

ЛОРИ
НЕЛЬСОН
СПИЛМАН

СЧАСТЛИВЫЕ
СЕСТРЫ
ТОСКАНЫ

Замечательная, трогательная
история, которая напоминает
нам о том, что надо жить
полной жизнью.

Сесилия Ахерн

18+

АЗБУКА

Лори Нельсон Спилман

Счастливые сестры Тосканы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56553968

Счастливые сестры Тосканы:

ISBN 978-5-389-18297-4

Аннотация

Вот уже двести лет над младшими сестрами большой семьи из Тосканы тяготеет проклятие: они никогда не познают любви, не выйдут замуж, не будут иметь детей...

И хотя семья давно уже живет в Америке, это проклятие все еще действует.

Эмилию вполне устраивает ее одинокая жизнь, целиком посвященная семье, а Люси страстно мечтает о том, чтобы выйти замуж, и в каждом парне видит потенциального жениха. Но вот в их жизнь врывается тетя Поппи с поразительным предложением: она просит сопровождать ее на родину в Италию, где в день своего восьмидесятилетия должна встретиться со своей первой и единственной любовью и таким образом раз и навсегда разрушить проклятие. И девушки отправляются в путешествие, даже не догадываясь, что их жизнь круто изменится...

Впервые на русском языке!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	38
Глава 6	50
Глава 7	62
Глава 8	73
Глава 9	85
Глава 10	92
Глава 11	103
Глава 12	115
Глава 13	132
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Лори Нельсон Спилман

Счастливые

сестры Тосканы

*Посвящается
Дитеру и Иоганне*

© И. Б. Русакова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

Издательство Иностранка®

Пролог

Давным-давно в Италии, в тосканской деревушке Треспиано, жила семья Фонтана, и было у них две дочери: Филомена и Мария. Старшая сестра возненавидела младшую, едва лишь впервые увидела, как мама с любовью укачивает новорожденную на руках.

Детская ревность расцвела пышным цветом, когда обе девочки выросли и стали девушками. Младшая, Мария, была чудо как хороша, и неудивительно, что Козимо, дружок Филомены, заглядывался на нее. Мария старалась не подпускать Козимо к себе и всячески показывала, что ей неприятны его заигрывания, но блудливый парень никак не унимался.

Однажды Филомена предупредила Марию: «Имей в виду, если ты уведешь у меня жениха, я прокляну навеки не только тебя, но и всех младших сестер в нашем роду». Вскоре после этого Козимо отправился на пикник вместе с семьей Фонтана. Он подстерег Марию возле реки, где, как ему казалось, их никто не увидит, схватил девушку и стал насильно ее целовать. Филомена появилась на берегу раньше, чем Мария смогла вырваться из объятий Козимо, и видела только сам поцелуй. Она подняла с земли камень и бросила его в сестру. Камень попал Марии прямо в глаз. В результате глаз перестал видеть, а веко опустилось навсегда. Бедняжка потеряла привлекательность и до конца жизни осталась одинокой.

Трудно сказать, является то простым совпадением или же проклятие Филомены действительно работает, однако с тех пор ни одна из младших дочерей в роду Фонтана действительно так и не нашла свою любовь, не вышла замуж и не родила детей. Это продолжается и поныне, хотя с того дня миновало уже больше двухсот лет.

Глава 1

Эмилия

Наши дни, Бруклин

Семьдесят две трубочки, приготовленные для сицилийского десерта канноли, остужаются на стеллаже. Я выжимаю сок из надрезанных мараскиновых вишен и аккуратно обмакиваю их в сливки, тертый сыр рикотта и сахарную пудру. Через слегка запотевшее прямоугольное стекло в кухонной двери можно подсмотреть, что происходит в магазине. Этим утром, как и всегда по вторникам, в «Пекарне-кулинарии Луккези» нет покупателей. Моя бабушка, Роза Луккези, урожденная Фонтана, стоит за прилавком: перебирает оливки и раскладывает в контейнеры из нержавеющей стали сладкие перцы, фаршированные сыром фета.

Мой отец входит в двустворчатые двери, удерживая на руке поднос с прошутто. Перекладывает ее большими щипцами в холодильную камеру, соорудив внушительную горку между панчеттой и капиколой.

У входа в магазин, за кассой, – моя старшая сестра Дария. Она облокотилась о прилавок со сладостями и набирает что-то в телефоне. Наверняка пишет одной из своих многочисленных подружек и, скорее всего, жалуется на мужа Донни или на девочек. Из колонок льется «That's amore» в испол-

нении Дина Мартина – последнее напоминание о моем покойном nonno Alberto¹. Дедушка настаивал на том, что в его пекарне-кулинарии должна звучать итальянская музыка, потому что это создает атмосферу аутентичности. И не важно, что «That's amore» – американская песня и поет ее американский певец. Я ничего не имею против музыкальных пристрастий деда, за исключением того, что весь наш итальянский репертуар состоит из тридцати трех песен, которые я давно выучила наизусть и могу спеть слово в слово даже во сне.

Я снова переключаюсь на канноли и вдавливаю крем в шесть дюжин вафельных трубочек.

Музыка постепенно стихает, аромат пирожных испаряется... Я мысленно переношусь в Англию, в графство Сомерсет, и погружаюсь в выдуманную мной историю...

«Она ждала его на пирсе Кливдон и смотрела на море. Водная гладь золотилась в лучах заходящего солнца. Кто-то позвал ее по имени. Она обернулась в надежде увидеть своего возлюбленного. Но нет, в тени деревьев стоял ее бывший...»

И тут на стене рядом со мной громко звякает колокольчик. Вздвогнув от неожиданности, я быстро надеваю очки и смотрю в окно кухни.

В магазин входит миссис Фортино с букетом из оранжевых и желтых гербер. Седые волосы стянуты на затылке в

¹ Дедушка Альберто (ит.).

гладкий пучок, бежевые слаксы подчеркивают стройную фигуру. Мой отец, который стоит за мясным прилавком, выпрямляется во весь свой рост – пять футов десять дюймов – и втягивает выпирающий из-под фартука живот. Бабушка наблюдает за ними и при этом морщится так, будто хлебнула уксуса.

– Buongiorno, Rosa², – щебечет миссис Фортино и шагает мимо прилавка с кулинарией.

Бабушка отворачивается и бурчит:

– Puttana.

Путанами в Италии называют распутных женщин.

Миссис Фортино направляется к зеркалу. Она всегда прихорашивается, прежде чем пройти к мясному прилавку отца. Я отступаю на шаг, чтобы покупательница не заметила, что я вижу ее, а миссис Фортино тщательно проверяет, не размазана ли розовая – в тон блузки – помада, и приглаживает волосы. Убедившись, что все в полном порядке, она разворачивается лицом к мясному прилавку и улыбается.

– Это тебе, Лео, – говорит миссис Фортино и протягивает моему отцу букет.

Бабушка хмыкает, и вид у нее при этом весьма недовольный... Так дикая гусыня шипит на любого, кто осмелится взглянуть на ее птенца. И не важно, что в данном случае птенец – это ее шестидесятишестилетний зять, который вот уже почти тридцать лет вдовец.

² Добрый день, Роза (*ит.*).

Мой лысеющий папа принимает букет и краснеет. Он благодарит миссис Фортино, как это бывает каждую неделю, а сам поглядывает на бабушку. Бабушка спокойно, словно бы вообще ничего не замечая, перемешивает маринованные грибы.

– Хорошего дня, Лео. – Миссис Фортино мило улыбается и машет отцу ладошкой.

– И тебе тоже, Вирджиния.

Отец нащупывает рукой вазу под прилавком, а сам, не отрываясь, смотрит вслед миссис Фортино. У меня в груди щемит от жалости к ним обоим.

Снова звякает колокольчик. В магазин не спеша входит высокий мужчина. Он уже заходил к нам на прошлой неделе и тогда купил дюжину канноли. Этаким элегантный красавчик, такого скорее встретишь в Беверли-Хиллз, а не у нас в Бруклине. Он говорит с отцом и бабушкой, а я пригибаюсь у двери и слышу только обрывки их беседы.

– Бесспорно, самые лучшие канноли в Нью-Йорке. – (Я невольно потихоньку хихикаю и напрягаю слух.) – На прошлой неделе я купил дюжину для одного мероприятия, которое проводилось в нашем банке. Так все коллеги в полном восторге, до сих пор вспоминают, какая это была вкуснятина.

– Для нас это лучшая похвала, – отвечает отец. – Мы соблюдаем традиции. «Пекарня-кулинария Луккези» открылась еще в пятьдесят девятом году. Здесь все готовят по традиционным рецептам и исключительно из натуральных про-

дуктов.

– Да, это чувствуется! А могу я лично поблагодарить пекаря?

Я выпрямляюсь. За последние десять лет никто из покупателей не проявлял желания встретиться со мной и уж тем более поблагодарить.

– Роза, – обращается отец к бабушке, – тебя не затруднит позвать Эмилию?

– О боже!... – выдыхаю я.

Я сдергиваю сетку, освободив хвост густых каштановых волос, и жалею о том, что утром не вымыла голову. Дрожащими от волнения руками развязываю фартук и поправляю очки. Потом инстинктивно прикладываю палец к нижней губе.

Прошло уже почти двадцать лет, и шрам, не толще нитки, за это время стал гладким и бледным. Но он никуда не делся, и я постоянно помню про него.

Двустворчатые двери из нержавеющей стали распахиваются, и в кухню входит бабушка Роза, невысокая и крепкая.

– Одну коробку канноли. Presto³, – угрожающим тоном распоряжается она и поджимает губы.

– Sì, nonna⁴. Хорошая идея.

Я быстро укладываю три свежеприготовленные трубочки в коробку и направляюсь к дверям, но она выхватывает у ме-

³ Быстро (*ит.*).

⁴ Да, бабушка (*ит.*).

ня коробку:

– Возвращайся к работе. Тебе есть чем заняться.

– Но, бабушка, этот покупатель хотел меня видеть...

– Он деловой человек. Ни к чему попусту тратить его время.

И Роза уходит из кухни.

Я с отвисшей челюстью смотрю ей вслед, пока створки дверей не перестают раскачиваться, а потом слышу бабушкин голос:

– Мне очень жаль, но пекарь сегодня ушел пораньше.

Я отшатываюсь от двери. Какого черта?! Я ведь не думала ни о чем таком. Не строила никаких планов относительно этого красавчика: я же не настолько наивна. Мне просто хотелось услышать, как человек от души хвалит мои пирожные – только и всего. А бабушка посмела лишить меня даже этой маленькой радости!

Через окно кухни я вижу, как этот мужчина беседует с Дарией, а потом покупает бутылку итальянской газировки «Бравацци». Покупатель берет у бабушки маленькую белую коробку, которую ему должна была вручить я, и, судя по всему, снова превозносит мои трубочки.

Все, хватит! Плевать, что скажет бабушка или как это будет выглядеть со стороны. Я сейчас к ним выйду.

И только я снимаю фартук, как сестра бросает взгляд в окно кухни. Она не может меня видеть, но я уверена: Дария знает, что я за ними наблюдаю. Она медленно и едва заметно

качает головой: «Нет, Эмилия, не надо».

Я отступаю назад. Меня как будто под дых ударили. При-
слоняюсь спиной к стене и закрываю глаза. Дария просто хо-
чет защитить меня от гнева Розы. Я младшая дочь в семье
Фонтана. По мнению бабушки, нет никакого смысла тратить
на меня время этого благородного любителя канноли. Я ведь
абсолютно точно никогда не встречу свою любовь: фамиль-
ное проклятие действует.

Глава 2

Эмилия

Эмвилл – так я называю свою квартирку в трехэтажном доме на Семьдесят второй улице – находится в четырех кварталах от пекарни на Двадцатой авеню. Сегодня я, как обычно, иду пешком и несу сумку с пирожными. Солнце в конце августа уже не так жарит, и чувствуется, что лето клонится к закату.

Бенсонхёрст скромно приткнулся между Кони-Айлендом и Бей-Ридж, более благородными районами Бруклина. В детстве я мечтала о том, как уеду из этой скучной этнической общины в какое-нибудь более привлекательное место. Но в Бенсонхёрсте живут все мои родные, начиная с бабушек и дедушек. Я уже не говорю о тысячах итальянцев, которые обосновались здесь в двадцатые годы прошлого века. Когда-то этот район Бруклина назывался Маленькая Италия, у нас здесь даже снимали кинофильм «Лихорадка субботнего вечера». Сегодня все изменилось. На каждый итальянский ресторан или магазин приходится либо русская пекарня, либо еврейская кулинария, либо китайский ресторан. Бабушка называет это *invadenza* – вторжение.

Я вижу наш старый кирпичный дом блокированной застройки. Другого дома в моей жизни не было. Когда мои ро-

дители в восьмидесятом отправились в свадебное путешествие на Ниагарский водопад, бабушка Роза и дедушка Альберто перебрались со всеми своими пожитками на первый этаж, а маме и папе предоставили свить гнездышко на втором.

С тех пор папа так тут и живет. Иногда я думаю о том, как мой отец, бывший на десять лет старше мамы, воспринял уклад жизни ее родителей. Имел ли он возможность выбирать? А моя мама? Она была такой же волевой и непреклонной, как и бабушка?

У меня не сохранилось воспоминаний о Джозефине Фонтана Луккези Антонелли. В памяти осталась только расплывчатая картинка: вот мама стоит у плиты, помешивает в кипящей кастрюле что-то пахнущее яблоками и корицей и, улыбаясь, рассказывает мне сказку. Но Дария говорит, что это все мои фантазии, и, возможно, она права. Когда мама умерла от тяжелой болезни (у нее был острый миелоидный лейкоз), сестре исполнилось четыре года, а мне – только два. Так что наверняка той женщиной у плиты на самом деле была бабушка Роза, мама нашей мамы. Вот только образ улыбающейся сказочницы совсем не вяжется с этой суровой женщиной, которая, сколько я себя помню, постоянно на меня злилась. Впрочем, это нетрудно понять, ведь ее дочь заболела как раз в ту пору, когда была беременна мной.

У тротуара останавливается мистер Копетти в сине-серой униформе:

– День добрый, Эмми. Возьмешь почту сейчас или лучше опустить в ящик?

Я трусцой подбегаю к нему:

– А что там у нас сегодня интересного?

Мистер Копетти хмыкает и, порывшись в холщовой сумке, передает мне стопку бумаг с ярким глянцевым флайером, который обхватывает ее, как лепешка тако.

– Как раз то, чего мне не хватало. – Я мельком просматриваю почту. – Заявки на кредитные карточки и скидочные купоны из «Кей фуд», которыми я постоянно забываю воспользоваться.

Почтальон улыбается и поднимает руку:

– Хорошего дня, Эмми.

– И вам тоже, мистер Копетти.

Я подхожу к дому, покрашенному в бежевый цвет, и поднимаюсь на крыльцо. Патриция Чофи громко распевает арию из «Травиаты». Сквозь стеклянную дверь видно, что, несмотря на то что CD-плеер девяностых – самая новая вещь в парикмахерской – включен на полную катушку, дядя Дольфи крепко спит в одном из кресел, предназначенных для клиентов. Но вот странное дело: его всегда мгновенно будит звон дверного колокольчика. Я тяну за ручку. Дядя, как я и ожидала, встряхивается, вытирает слюну с подбородка и поправляет очки.

– Эмилия! – В его голосе столько радости; можно подумать, что мы не виделись несколько недель.

Мой дядюшка не красавец, но очень милый: у него пушистые седые кудри, а щеки такие, словно ему только что вырвали все зубы мудрости. Как правило, он облачен в темный парикмахерский халат с тремя зажимами на правом отвороте воротника и с вышитым именем Дольфи на кармане.

– Привет, дядя Дольфи! – громко, чтобы перекрыть оперную певицу, здороваюсь я.

Строго говоря, младший брат бабушки Розы приходится мне двоюродным дедом, но в семействе Фонтана не любят все усложнять, когда речь идет о родственных связях.

Я протягиваю пакет:

– Сегодня – фисташковое печенье и ломтик панфорте.

– Grazie⁵.

Дядя берет у меня пакет, и в этот момент его слегка пошатывает, но я делаю вид, будто не замечаю этого. Дольфи семьдесят восемь, но он все еще гордый мужчина.

– Нож принести? – спрашивает он.

– Нет, спасибо, это все тебе, – как всегда, отвечаю я.

Дядя подходит к установленному на зеркале плееру и рукой в старческих пигментных пятнах убавляет звук. Ария стихает. Я, оставив свою почту у кассы, подхожу к старенькому столику, заваленному журналами и рекламными буклетами, и делаю себе чашку кофе со сливками.

Мы с дядей садимся в стоящие рядом пустые кресла. Пока Дольфи лакомится десертом, его очки в прямоугольной

⁵ Спасибо (*ит.*).

металлической оправе постепенно сползают на кончик носа. У меня точно такие же очки, только у дяди они в два раза больше.

– Тяжелый выдался денек? – спрашиваю я.

– Sì, – отвечает он, хотя в его маленькой парикмахерской, как обычно, ни души. – В высшей степени.

Когда я была девочкой, тут клубился народ: в такое время трое мужчин ожидали своей очереди на стрижку, один на горячее бритье и еще двое играли в «скопу» в задней комнате. Парикмахерская Дольфи была чем-то вроде клуба: здесь слушали оперу, горячо спорили и обсуждали местные сплетни. В наши дни клиентов у дяди не больше, чем желающих позвонить в телефонной будке. И неудивительно: кому захочется подставить свою шею старику, который держит опасную бритву в трясущейся руке?

– Твоя кузина и моя внучка Лучана собиралась сегодня зайти подстричься. Я обещал выкроить для нее время, – дядя смотрит на часы, – но она, как всегда, опаздывает.

– Наверное, на работе завал, – говорю я и тут же прикусываю язык.

Моя кузина Люси – троюродная сестра, если быть точной, – девушка импульсивная и очень любит развлекаться. Учитывая тот факт, что ее очередной бойфренд по совместительству является также ее коллегой, легко предположить, что Люси действительно очень занята на работе.

Я меняю тему:

– А как там тетя Этель?

Дядя Дольфи приподнимает брови:

– Прошлой ночью видела сестру. Она всегда рада пови-
дать Адриану. – Дядюшка ухмыляется и вытирает губы сал-
феткой. – Эх, если бы я только мог заставить эту женщину
появляться почаще!

Тетя Этель и дядя Дольфи живут в двухкомнатной квар-
тире над парикмахерской, и тетя верит, что к ним являются
привидения. Она уверяет, что видит духов своих покойных
родственников. Я подозреваю, что это одна из причин, по ко-
торой ее муж днем часами сидит в пустой парикмахерской.
У каждого человека должна быть хоть какая-то отдушина,
так я считаю. Раньше я приставала к тете Этель с вопросом,
не видела ли она мою маму. Но она каждый раз отвечала от-
рицательно, и несколько лет назад я наконец сдалась.

Дядя Дольфи закидывает в рот последний кусочек пече-
нья и стряхивает крошки с ладоней.

– *Delizioso!*⁶ – Он, шаркая ногами, подходит к своему па-
рикмахерскому столику и возвращается с несколькими ис-
писанными листами бумаги, которые я отдала ему вчера ве-
чером. – Мне нравится эта история, *la mia nipote talentata*.

Моя талантливая племянница? Я прикусываю губу, чтобы
дядя не заметил, насколько я рада это слышать.

– *Grazie*.

– Сюжет набирает обороты. Чувствую: назревает кон-

⁶ Восхитительно! (*um.*)

фликт.

– Ты прав.

Я припоминаю эпизод, который придумала сегодня на работе, потом достаю из сумки написанные накануне страницы и вручаю их дяде:

– Продолжение принесу в четверг.

Он недовольно хмурится:

– А завтра ничего?

Я не могу сдерживать улыбку. Мои скромные попытки писать – это хобби, и мы с дядей держим его в секрете.

Дольфи любит повторять: «Если уж наметил дорожку к мечте, не сходи с нее».

Однажды он признался, что в молодости пытался сочинить оперу, но отказался показать мне свои наброски или хотя бы в двух словах рассказать сюжет. И на мои расспросы все время отвечает, что это была просто придурь, а сам краснеет как рак. Мне жаль, что дядя сошел с дорожки к своей мечте.

– Извини, но сегодня у меня не будет времени писать. Дария устраивает собрание Клуба книголюбов и меня тоже позвала. – Я стараюсь, чтобы мой голос звучал так, будто приглашение сестры потусить вместе с ее друзьями для меня обычное дело. – Она попросила принести сладкую пищу. – Я мельком смотрю на часы – половина четвертого – и подхожу к раковине. – Послушать Сару, так весь смысл этих собраний сводится к еде, выпивке и сплетням. Ну а если вдруг

остаётся время, они могут обсудить книгу.

Дядя сверкает темными глазами:

– Какая чудесная новость: сестра приглашает тебя на собрание своего клуба. Я помню времена, когда вы были неразлучны.

У меня вдруг начинает першить в горле, я в ужасе изображаю, будто ищу в шкафчике полотенце.

– Ну, я пока еще не постоянный член клуба. – Теперь у меня щиплет глаза. – Но я надеюсь, что, если понравлюсь ее друзьям – ну, или хотя бы моя *pizza di crema*, сливочный пирог, понравится, – Дария пригласит меня к ним присоединиться.

– *Pizza di crema*? – Дядя искоса смотрит в мою сторону. – Не позволяй Дарии себя использовать.

– Мне совсем не трудно испечь угощение, и я люблю помогать сестре.

Дольфи насмешливо приподнимает брови, но я делаю вид, что ничего не замечаю. Потом он смотрит на часы и снова хмурится:

– Лучана сказала, что придет стричься в два, и вот – ни слуху ни духу. Хотя бы позвонила, что задерживается. Ну что за безответственность?

– Не будь к ней слишком строг. Люси еще ребенок.

– Ребенок? – хмыкает дядя. – С каких это пор здоровая девица двадцати одного года от роду считается ребенком? – Он понижает голос, как будто в пустой парикмахерской кто-то

может нас подслушать. – Ты слышала, что у Лучаны очередной кавалер? Познакомилась с ним на новой работе. Этель уверена, что на этот раз дело закончится свадьбой.

– Ага, а разве она не говорила то же самое о Дереке?.. И о том барабанщике, Нике... И о том парне... как же его звали? У него еще была татуировка в виде кобры. – Я пожимаю плечами. – Люси еще совсем молоденькая, у нее вся жизнь впереди. Куда ей спешить?

Дядя без слов, одним взглядом, напоминает мне о том, что Люси, как и я, – младшая дочь в семье.

– Насчет ее нового бойфренда ничего сказать не могу, – замечаю я, протирая столешницу, – а вот новая работа, похоже, Люси нравится.

– Обслуживать столики, вырядившись в обтягивающие кофточки и юбочки? – Дядя осуждающе качает головой. – Вот объясни мне, Эмилия, почему такая умная девушка, как Лучана, решила работать в этом месте... «У Руди»?

– «У Рулли». Но это же один из самых популярных баров в городе.

– А чем ей плох паб «Финиш»? Ирена и Матильда уж который год там работают. И кстати, всегда ходят в приличных блузках и туфлях на невысоком каблуке. К чему эти новшества?

Мой дядя, точнее – двоюродный дед, по натуре своей консерватор. Он эмигрировал из Италии через год после бабушки Розы, будучи еще совсем молоденьким парнишкой. Когда

юный Дольфи Фонтана поселился в Бенсонхёрсте, заведение под названием «Финиш» уже вовсю работало. С тех пор прошло уже пятьдесят семь лет, а дядя все еще хранит верность старому пабу.

– Дядя Дольфи, новое – это вовсе не обязательно плохое, – пытаюсь вразумить его я.

Он вскидывает голову:

– Новый сыр? Нет, спасибо. Новое вино? Тем более. Новое искусство? Тоже нет. – Дядюшка берет в ладони мое лицо. – *Dolce nipotina mia*⁷, действительно хорошо не новое, а старое. И кому, как не тебе, это знать. – Он приподнимает мой хвост из волос. – Почему мы не меняем прическу уже сколько... лет двадцать? А эти очки? Не в них ли ты фотографировалась на выпускной альбом?

– Вообще-то, за это время диоптрии у меня изменились три раза. – Я снимаю очки в тонкой металлической оправе и гну ее туда-сюда. – Но, к счастью, оправа, как и обещали в магазине оптики, крепкая.

– Вот видишь, *saga mia*⁸, – говорит дядя, – зачем менять колеса, если они еще катятся, *sì*?

– Твоя правда. – Я надеваю очки и целую его в щеку. – Завтра еще пирожных принесу.

– *Grazie*. – Дольфи, шаркая ногами, подходит к кассе. –

⁷ Моя сладкая племяншка (*ит.*).

⁸ Моя дорогая (*ит.*).

Не забудь la posta⁹.

И вот как раз в тот момент, когда он передает мне почту, какой-то конверт, который я не заметила раньше, выпадает из общей стопки.

– Письмо, – удивленно констатирует дядюшка, глядя себе под ноги и прижимая конверт замшевой туфлей. – Настоящее.

Теряясь в догадках, кто мог написать мне, я сажусь на корточки, чтобы поднять конверт, но дядя не убирает ногу. Он наклоняется и присматривается. Прищуривается. Глаза у него округляются. Потом затуманиваются. Дольфи изумленно прикрывает рот ладонью.

Адрес написан от руки, и еще я разбираю почтовый штемпель: «Филадельфия, штат Пенсильвания». Улыбка сползает с моего лица, я цепенею. Я узнаю этот цветистый почерк и обратный адрес в верхнем левом углу конверта. Паолина Фонтана, она же Поппи, – сестра бабушки и дяди Дольфи. Отрезанный ломоть, даже своего рода паршивая овца в семье. Загадочная двоюродная бабушка, которая всегда словно бы магнитом притягивала меня из своего далёка. Женщина, которую nonna Rosa неизменно называла un problema. Единственная из наших итальянских родственников, с кем мне строго-настрога запрещалось видаться.

⁹ Почта (*ит.*).

Глава 3

Эмилия

Подойдя к дому, я прижимаю к себе сумку так, будто у меня там не просто письмо в конверте, а какое-то запрещенное оружие. Бабушка Роза стоит у окна в эркере своей комнаты и наблюдает из-за тяжелых дамастовых штор. Глазки у нее маленькие, но зрение отличное, что очень кстати для женщины, которая, я уверена, способна следить за кем угодно, не выглядывая из-за угла. Я беззаботно, насколько могу, машу ей рукой, а она в своей обычной манере раздраженно передергивает плечами и отворачивается.

Нехорошо так говорить, но признаюсь: я бы хотела, чтобы бабушка жила в какой-нибудь мансарде под самой крышей. Тогда бы она не могла слышать мои шаги всякий раз, когда я подхожу к крыльцу, не могла бы бдительно следить из большого окна за мной, взрослой женщиной двадцати девяти лет от роду. Хотя, надо отдать бабушке должное, она всегда найдет щель, через которую можно подглядывать.

Я открываю застекленную дверь и, проходя через холл с мозаичным полом, заглядываю в сумочку, чтобы убедиться в том, что письмо все еще там. Чувствую себя при этом мятежницей, даже мурашки бегут по спине.

Перепрыгивая через ступеньки, я поднимаюсь по лестни-

це из орехового дерева и поскорее открываю дверь в свою квартирку. В кухне все три шкафчика и холодильник, украшенный фотографиями моих племянниц, залиты ярким солнечным светом. Я вываливаю содержимое сумки на стол, жадно хватаю письмо тети Поппи и смотрю на фиолетовый конверт. Почему, интересно, она вдруг решила мне написать? Сегодня не мой день рождения, да и до Рождества еще четыре месяца. Но, с другой стороны, тетя Поппи, моя двоюродная бабушка, которую я видела всего один раз в жизни, уже далеко не молода и могла напутать с датами.

В кухню заходит Царапка, мой любимый кот. Он весь черный, только мордочка и лапки белые. Я подхватываю его на руки и чмокаю в нос:

– Давай посмотрим, что там пишет тетя Поппи. Но ты должен пообещать, что не расскажешь бабушке. Договорились?

Устроив кота на плече, я вскрываю конверт и разворачиваю бледно-желтый лист, а сердце колотится как бешеное. Знакомые фиолетовые чернила. Как не улыбнуться, когда видишь на полях эти рисунки? Маленькая девочка загадывает желание, глядя на падающую звезду... букет маргариток... карта Италии.

Дорогая Эмилия!

У меня к тебе огромная просьба. Хотя нет, пожалуй, никакая это не просьба, а предложение. И если ты согласишься его принять, то, возможно, вся твоя жизнь изменится.

Я сажусь на дубовый стул и, почесывая Царапку за ухом,

продолжаю читать:

Этой осенью я планирую вернуться на родину, в Италию, и отметить там свой восьмидесятый день рождения. И я хочу, чтобы ты составила мне компанию.

У меня отвисает челюсть. Поехать в Италию? С двоюродной бабушкой, которую я едва знаю? Что за ерунда?! И все-таки перед моим мысленным взором невольно возникают прекрасные картины: уходящие вдаль виноградники и целые поля подсолнухов.

Обещаю: это будет весело! Ты ведь не против повеселиться? Подозреваю, что в твоей жизни не так много светлых моментов. Мало радости работать в этом жутком магазине с Розой и твоим отцом. Я бы точно не выдержала.

Я хмыкаю. Моя жизнь вполне меня устраивает. Я работаю в семейном заведении и живу в Бенсонхёрсте, в квартале, где родилась и выросла. И пусть от него до Манхэттена час езды на поезде, у нас здесь уютная атмосфера предместья. Мы до сих пор сушим белье на веревках и знакомы со всеми соседями. У меня есть Мэтт – верный друг, с которым я вижусь чуть ли не каждый день. Многие ли могут таким похвастаться? Так что Паолина Фонтана попала пальцем в небо.

Отправляемся в середине октября, то есть всего через каких-то шесть недель. Я надеюсь, что у тебя сохранился итальянский паспорт. Прилетим в Венецию, а оттуда поедem через всю страну на поезде во Флоренцию. Конечный пункт путешествия – Амальфитанское побережье, кафед-

ральный собор в Равелло, на ступенях которого я должна стоять в день своего восьмидесятилетия.

Кафедральный собор в Равелло? Что она задумала?

Пожалуйста, позвони мне, и мы сможем обсудить все детали. А пока посылаю тебе на счастье букетик четырехлистного клевера и двойную радугу.

*С любовью,
тетя Поппи.*

Звучит заманчиво, но я быстро возвращаюсь в реальность. Поездка в Италию мне не по карману. Куда уж путешествовать по Европе с моей скромной зарплатой. Но даже если я и смогу наскрести нужную сумму, бабушка все равно не позволит. Я со стоном откидываю голову на спинку стула. Придется тете Поппи найти себе другую компаньонку.

Правда, она не общается ни с кем из нашей семьи...

Ну, значит, отправится в путешествие с друзьями, только и всего. Должны же у нее быть друзья.

Или их нет?

Меня вдруг захлестывает волна нежности к тете, с которой мне всегда запрещали общаться. Какой же одинокой была эта старая женщина, которая каждый год присылала мне открытки на день рождения, а также поздравляла со всеми возможными праздниками, включая День флага.

Когда мне было лет девять или десять, мы с Поппи буквально засыпали друг друга письмами. Это было так здорово: открываешь почтовый ящик, а там послание от двоюродной

бабушки. Ей было интересно абсолютно все. Кто из друзей может заставить меня смеяться до колик? Какая обувь мне больше нравится: на шнурках или на липучках? Что я выберу: маринованные огурцы или конфеты? Какое время года я предпочитаю и почему? Никто из взрослых никогда не проявлял ко мне такого интереса.

Но однажды в субботу днем бабушка перехватила меня в холле:

– Ты почему это здесь без толку болтаешься? Разве ты не должна сейчас убираться у себя в комнате?

– Я жду почту, – призналась я и похвасталась: – У меня есть друг по переписке.

Тетя Поппи как-то употребила это выражение в одном из писем, и мне нравилось произносить его вслух.

– Друг по переписке? – нахмурилась бабушка. – Что еще за друг такой?

Я радостно улыбнулась:

– Я переписываюсь с твоей сестрой, тетей Поппи!

Роза молча удалилась в свою квартиру, а спустя десять минут, когда в холл вошел наш новый почтальон мистер Копетти, снова появилась и протянула руку за ежедневной почтой.

– Вот, пожалуйста, – сказал ей мистер Копетти, а потом подмигнул мне: – Похоже, сегодня есть кое-что и для юной леди.

Я улыбнулась и выглянула из-за бабушкиного плеча.

Мистер Копетти уже собрался уходить, но Роза властно

подняла руку:

– Погодите!

Она быстро просмотрела корреспонденцию и выбрала бледно-желтый конверт.

– Это мне, – сказала я и потянулась за письмом.

Бабушка достала из-за уха красную ручку, перечеркнула наш адрес и написала: «Вернуть отправителю».

– Бабушка! Что ты делаешь?! – закричала я.

Она сунула письмо мистеру Копетти:

– Ступайте.

Почтальон явно растерялся, ему не хватало смелости возразить.

А Роза шагнула вперед и указала пальцем на дверь:

– Вон отсюда! Живо!

В результате мистер Копетти капитулировал, а меня на неделю посадили под домашний арест и на любые недозволенные контакты с тетей Поппи был наложен запрет.

Я прождала целых десять дней и только потом украдкой написала ей очередное письмо, которое спрятала в учебник математики и планировала опустить в почтовый ящик по пути в школу. Когда в то утро я села за стол завтракать, сердце у меня колотилось как ненормальное. Я, пока ела, все прикрывала книгу ладонью, а бабушка с подозрением на меня поглядывала.

Когда Роза подошла ко мне и посмотрела на учебник, я чуть сознания от ужаса не лишилась. И все-таки я допила

какао и все это время отчаянно молила Деву Марию, чтобы она уберегла меня от разоблачения. Но, вставая из-за стола, случайно зацепилась рукавом свитера за подлокотник стула и столкнула учебник. Письмо выскользнуло из-под обложки и плавно, как бумажный самолетик, приземлилось прямо на носок бабушкиного тапка.

Пощады ждать было бесполезно. С того дня, если не считать стандартные рождественские открытки, формальные благодарности и дежурные поздравления с днем рождения, никаких контактов с ее сестрой я более не поддерживала.

Я поворачиваюсь к окну, смотрю на урбанистический пейзаж – все крыши сплошь утыканы кондиционерами, старыми антеннами и какими-то проводами – и рассеянно поглощаю тонкий шрам под нижней губой.

Что подумала тетя Поппи, когда перестала получать мои письма? Ей было больно? Или она испытала разочарование? Догадалась, что причина вовсе не во мне, а в бабушке? Хотя так ли это было в действительности? Почему я не пожаловалась отцу? Не упростила его разрешить мне и дальше переписываться со старшим другом? Ответ лежит на поверхности: Леонардо Антонелли никогда не смог бы пойти против своей властной тещи. Мой папа – человек слабый и мягкотелый, у него протестовать духу не хватит. И, как ни стыдно в этом признаться, я недалеко от него ушла. Когда в дело вступает бабушка Роза, маленькая непреклонная женщина, которая подписывает все наши счета и является главным

арендатором нашего жилья, мы с отцом ведем себя как последние трусы.

У меня сводит желудок, я утыкаюсь лицом в ладони и стараюсь не слышать вопрос, который настойчиво звучит у меня в ушах: «А теперь, двадцать лет спустя, хватит ли у тебя смелости постоять за себя?»»

Глава 4

Эмилия

Янадеваю фартук. На столешнице из жаростойкого пластика лежит реликвия, которой я очень дорожу, – мамина кулинарная книга. Преисполненная решимости отогнать мысли об Италии и бедной тете Поппи, я открываю книгу и приступаю к работе.

В Италии, где выросли дядя Дольфи и тетя Поппи, пирог, который я собираюсь приготовить, называют *dolce pizza*, или сладкая пицца. Я смешиваю муку с сахаром и добавляю туда чайную ложку соды, а Царапка тем временем описывает восьмерки вокруг моих лодыжек. Дария совсем не умеет печь (а зачем учиться, если есть сестра, которая всегда делает это за нее?) и, естественно, даже не подозревает о том, что на приготовление этого десерта – с корицей, апельсиновой цедрой, заварным кремом и вишневым сиропом – требуется больше времени, чем мы сегодня проведем на собрании книжного клуба.

Звонит мобильник. Увидев на экране имя сестры, я включаю громкую связь и продолжаю мешать тесто.

– Привет, Дария. А я как раз готовлю *pizza di crema*.

– О, это хорошо. Слушай, Эмми, я тут нашла по акции просто потрясающий вариант – отдых в Атлантик-Сити, в

отеле «Тропикана», со скидкой пятьдесят процентов. Нам с Донни не помешает короткий отпуск, согласна? Если я куплю путевку, отпустишь нас с мужем на уик-энд, присмотришь за девочками? Это еще не сейчас, а осенью, где-нибудь в октябре.

Я смазываю форму маслом, но даже не думаю выливать в нее тесто.

– Ага, да, конечно.

– Отлично! Ты самая лучшая, Эмми.

– А ты еще лучше, – улыбаюсь я.

Дария, вместо того чтобы закончить наш детский ритуал привычной фразой «а ты лучшая из лучших», меняет тему разговора:

– Заседание клуба начнется не раньше семи, но ты нужна мне прямо сейчас. Срочно. – Сестра громко вздыхает. – Донни уехал в командировку, а я тут одна хоть разорвись. Учебный год только начался, но ты не поверишь, сколько Наталии задали на дом. А Мими должна завтра принести в класс кексы. Могла бы, вообще-то, и заранее предупредить, – Дария повышает голос, – так нет, эта красавица вспомнила только сейчас!

Бедняжка Мими! Я в семь лет тоже была забывчивая.

– Я как раз ставлю пиццу в духовку. Скоро буду у вас, не переживай.

– Супер!

Сестра уже готова закончить разговор, но тут я не выдер-

живаю:

– А мне сегодня пришло письмо. От тети Поппи.

– О господи! И чего она от тебя хочет?

Я опускаю лопатку в тесто, потом облизываю. Слава богу, мы не на видеосвязи.

– Хочет взять меня с собой в отпуск. – Мною овладевает какое-то странное чувство, я улыбаюсь и снова пробую тесто. – В Италию.

– Ого! Но ты не можешь поехать. Бабушка ни за что не позволит. Поппи придется взять с собой какую-нибудь другую племянницу. Кармеллу, например. Но определенно не Люси. – Дария смеется. – Представляю, каких дров наломает наша безбашенная кузина за границей!

Я облизываю лопатку и замечаю:

– Я давно уже совершеннолетняя. С какой стати мне спрашивать разрешения у бабушки?

Но Дарию этим не смутишь.

– Роза ненавидит Поппи, – продолжает она, – и ты это прекрасно знаешь.

– Но почему, Дар? Ведь Поппи – ее сестра.

– У нее есть на то причины. И мы должны уважать ее чувства.

– Я поговорю с бабушкой.

– Даже не думай!

– Дар, у меня появился шанс побывать в Италии. Я не хочу упускать его из-за каких-то бабушкиных заморочек.

– Заморочек? – Сестра повышает голос, а я собираюсь с духом, предчувствуя, что последует дальше. – Бабушка, может, и не идеальная, но она посвятила нам с тобой всю свою жизнь. Эмми, она заменила тебе мать.

Это козырная карта Дарии, она всегда меня обезоруживает. Мне становится тошно. Я вешаю трубку, потом затыкаю раковину, открываю кран и, поглаживая шрам под губой, жду, когда наберется вода. Я не могу поехать в Италию. Моя сестра только что это подтвердила. Если поеду, это будет предательством по отношению к женщине, которая меня вырастила. Поппи придется найти другую компаньонку, только это вряд ли у нее получится. Да и не захочет она никого искать. Бедная тетя Поппи: такая же одинокая, как и я сама... и еще она – тоже младшая дочь в семье.

Мне было семь лет, когда я впервые узнала, хотя и окольными путями, о фамильном проклятии Фонтана. В школе нам дали задание – составить свое генеалогическое древо. Я выбрала Фонтана – родственников со стороны матери. Учительница, сестра Реджина, изучая мою работу, сразу обратила внимание на то, чего я не замечала или, возможно, не хотела замечать.

– Надо же, какая любопытная закономерность. – Учительница нахмурилась. – Ни одна из младших дочерей в твоей семье не вышла замуж. Это очень странно.

Я поправила очки и стала разглядывать нарисованные фломастером ветки с листьями, на которых сама аккуратно

написала имена своих предков. Я слышала, что Бланка Фонтана, сестра моего прадедушки, из-за которой родители Розы не смогли переехать в Америку, не обзавелась супругом. И я знала, что моя двоюродная бабушка Поппи никогда не была замужем. Старая дева – так это называется. Я провела пальцем по веткам и обнаружила, что двоюродные и троюродные сестры бабушки Аполлония, Сильвия, Эванджелина, Мартина и Ливия тоже не вышли замуж... А ведь и правда: все они были младшими дочерьми в семье.

Мой взгляд скользил вниз, как опавший лист, и постепенно добрался до самой нижней ветви нашего генеалогического древа. У моих родителей – Джозефины Фонтана Луккези Антонелли и Леонардо Филиппо Антонелли – родились две дочери. И я, Эмилия Джозефина Фонтана Луккези Антонелли, была младшей.

Глава 5

Эмилия

Ябыстро иду в сторону Шестьдесят седьмой улицы, крепко сжимая обеими руками коробку с пирогом. Волна меланхолии схлынула, ее сменило радостное возбуждение. Я представляю, как мы с Дарией суетимся у нее на кухне и оживленно болтаем, расставляя закуски и напитки, которыми будем сегодня потчевать членов Клуба книголюбов. Переходя Бей-Ридж-авеню, очень осторожно, чтобы пирог не сдвинулся в коробке, я ступаю на проезжую часть. Скажу без лишней скромности: моя *pizza di cema* – настоящий шедевр.

«Хоть бы только Дарии понравилось!» – мысленно прошу я и в следующую секунду понимаю, что дело вовсе не в пироге: мне важно получить одобрение сестры.

Сигналит какая-то машина, я испуганно запрыгиваю на тротуар и, обернувшись, вижу блестящий черный фургон с трафаретом «Кузумано электрик» на боковой двери. Фургон притормаживает, опускается окно.

Маттео Кузумано приподнимает очки-авиаторы:

– Эй, красотка! Подвезти?

Я улыбаюсь своему самому лучшему и, пожалуй, единственному настоящему другу и прислоняюсь к фургону:

– А ты знаешь, как побаловать девушку: подъезжаешь, ко-

гда ей осталось пройти всего два квартала.

– Таким уж я уродился, – смеется Мэтт. – Запрыгивай! Давай выпьем по пивку.

– А тебе разве не надо кому-нибудь подключить электричество? Или провода закоротить?

Мэтт улыбается:

– Только что выполнил последнюю работу на сегодня. Сложнейшая была задача – замена лампочки в кухне миссис Фата.

– Вот это да! Надеюсь, справился? Не зря же ты получил лицензию электрика.

– Ну ты и язва!

Я забираюсь в кабину и, пока пристегиваю ремень безопасности, не забываю аккуратно придерживать коробку с пирогом. А потом спрашиваю:

– Ты хоть понимаешь, что миссис Фата втайне надеется на большее, чем замена лампочек?

– Меня любят женщины за шестьдесят, – говорит Мэтт.

И это похоже на правду. Маттео – поджарый и долговязый брюнет, у него чудесные кудри, правда, передние зубы немного длинноваты, но зато смех такой заразительный, что способен выжать улыбку даже из бабушки Розы – и этому есть свидетели.

Мэтт толкает меня в бок локтем и вздыхает:

– А вот с двадцатидевятилетними у меня проблемы.

Ну вот, опять он за свое. Я недовольно отворачиваюсь к

окну и смотрю, как молодая мама катит по тротуару коляску. Мэтт старше меня на десять месяцев, но я всегда относилась к нему как к младшему брату. Мы вместе ходили в церковь Святого Афанасия в самый первый день в начальной школе. Это Мэтт в пятом классе расквасил нос хулигану Бонофилью за то, что он обозвал меня губошлепкой. Мэтт – тот самый башковитый пацан, который давал мне списывать домашку по химии в десятом классе. И это он – тот славный парень, который составил мне пару на выпускном, потом на свадьбе Дарии, а затем и на всех прочих мероприятиях, где девушке не принято появляться одной. Маттео Сильвано Кузумано – «мой парень» на все случаи жизни. Лучшего друга не пожелаешь. И я хочу, чтобы все так и оставалось.

– Если не трудно, высади меня у дома Дарии, хорошо?

– Значит, пивка не попьем?

– Сегодня собрание Клуба книголюбов, ты не забыл?

– Ну, тогда тем более стоит выпить: на трезвую голову там делать нечего.

Я искоса смотрю на Мэтта. Он всегда недолюбливал Дарию. А однажды даже назвал ее злобной сучкой, но я сразу поставила его на место. Никто не имеет права так говорить про мою сестру.

Фургон притормаживает напротив дома Дарии.

– Спасибо, что подвез.

– А когда эта тусовка закончится? Хочешь, я тебя встречу?

– Не стоит беспокоиться. – Я открываю дверь. – Пройдусь обратно пешком.

– Да какое там беспокойство, Эм. День нынче выдался тяжелый, и ты украсишь мой вечер.

Глаза Мэтта полны нежности, как у настоящего любовника. Меня даже передергивает – ненавижу эти неловкие моменты! – а они в последнее время возникают все чаще и чаще. Наши отношения с Кузумано перестали быть прежними в мае, после того как он расстался с Леей, которая была его девушкой целых восемь месяцев. С Мэттом всегда легче общаться, когда он с кем-то встречается. Но в прошлом месяце, когда мы были на свадьбе его лучшего друга, наша дружба достигла критической отметки. Помню, мы шли через парковку и давились от смеха, настолько забавно изображал «лунную походку» отец жениха. Мэтт взял меня за руку. Я рассмеялась еще громче, хлопнула его по плечу и сунула руку в карман. Обнимашки – это для нас нормально. Иногда я чмокаю его в щеку. Мы «даем друг другу пять» или стукаемся кулаками. Но мы не держимся за руки. Никогда. Я, очевидно, в тот момент ранила его, и мне от этого стало плохо. Однако никакого способа извиниться, без того чтобы обсудить этот момент или, хуже того, поговорить «о нас», не существовало. Поэтому я притворилась, будто ничего не случилось.

– Ты такой заботливый, Кузумано. Встречать меня не надо. Но все равно спасибо: я тронута. Правда.

Я выхожу из фургона напротив маленького домика на одну семью и машу Мэтту рукой. Этот дом постройки сороковых годов Дария с мужем купили после смерти ее свекра. Донни, который профессионально клал кирпичи и вообще до хрена всего знал о строительстве, все собирался обновить устаревший интерьер. С тех пор прошло уже два года, но, если не считать покраску стен в ванной и появление нового ковра в детской, внутренности дома все так же напоминают декорации «Я люблю Люси» – популярного телесериала 1950-х годов. «Это же крутое ретро, – утешаю я сестру. – Прикинь, как тебе повезло».

С заднего двора слышен звонкий смех. Сворачиваю за угол и оказываюсь у забора из сетки-рабицы. Мои племянницы занимаются гимнастикой во дворе размером чуть больше опрокинутой коробки от холодильника. Уже сейчас видно, насколько девочки разные. Сестры Наталия и Мими – старшая и младшая. Глядя на них, невольно вспомнишь историю про семейное проклятие семейства Фонтана. Хотя лично я не верю во все эти старые сказки.

Девятилетняя Наталия безупречно выполняет колесо, с видом победительницы поднимает вверх руки, а потом откидывает с ангельского личика выбившуюся прядь блестящих каштановых волос. Сегодня моя сестра соорудила дочери французскую косичку и вплела в нее красную ленту. Бирюзовые легинсы обтягивают стройные крепкие ножки. На футболке надпись «Будущий президент», и это вполне мо-

жет оказаться правдой.

– Вот так надо делать колесо, – говорит Наталия младшей сестре.

Да уж, эта девочка уверена в себе, и она прирожденный лидер: ни дать ни взять маленькая Хилари Клинтон.

Семилетняя Мими с восхищением смотрит на Наталию. Она, как обычно, слегка взъерошена. На худеньких плечиках болтается мягкое платье из секонд-хенда. Длинные ноги все в зеленых пятнах от травы, а ногти не покрашены, в отличие от старшей сестры: у той они красные. Темные волосы Мими коротко подстрижены: Дария объяснила мне, что таким образом ей удалось сократить утренние пререкания на двадцать минут.

Мими первой замечает меня:

– Тетя Эм!

Она несется ко мне с вытянутыми вперед руками. Я ставлю коробку на газон, сажусь на корточки и принимаю племянницу в свои объятия.

– Привет, дорогая! – Я закрываю глаза и вдыхаю ее чудесный запах. – Как поживают мои любимые девочки? – Встав, я протягиваю руки к Наталии. – Отлично делаешь колесо, милая!

– Спасибо, – говорит Наталия, по-быстрому обнимает тетю и возвращается к своим занятиям.

– Покружи меня! – просит Мими.

Я с улыбкой ерошу ей волосы:

– Только недолго. Надо помочь твоей маме подготовиться к собранию Клуба книголюбов.

После этого я беру Мими под мышки и быстро кружу. Легкая как перышко девочка громко смеется от восторга. И я тоже смеюсь. Но тут открывается задняя дверь.

– Эм? Ты что это делаешь?

Я медленно перестаю кружиться.

– Привет, Дар! – Я отпускаю Мими, но двор все еще плывет у меня перед глазами. – Уже иду.

– А где пирог?

Я со смехом делаю шаг назад и, пытаюсь поправить очки, неловко тычу указательным пальцем в щеку:

– Не волнуйся, пирог я принесла.

– Тетя Эм! – кричит Мими. – Осторожно!

Я чувствую под пяткой что-то твердое, пытаюсь отойти в сторону, но земля еще качается под ногами, и я спотыкаюсь.

– Эмми! – вопит Дария.

Но я уже падаю и жестко приземляюсь на пятую точку. Хлопает дверь, и в следующую секунду сестра стоит возле меня.

– Все нормально, – говорю я, потирая бедро.

– Проклятье! – Дария вытаскивает помятую коробку у меня из-под ноги. – Пирогу кранты!

Сестра бежит к дому, а я, приподнявшись на локтях, кричу ей вслед:

– Прости меня!

Настроение падает ниже плинтуса.

– Мама рассердилась, – говорит Наталия.

– И неудивительно. – Я поднимаюсь на ноги и быстро чмокаю племянниц. – Пойду-ка посмотрю, можно ли спасти пирог, пока Роза окончательно не слетела с катушек.

И только увидев, как изменились лица девочек, я понимаю, что оговорила.

Спустя двадцать минут, с помощью зубочисток и второго слоя глазури, мне удастся вернуть пирогу прежнюю форму.

– Та-да-да-да! – Я протягиваю десерт Дарии.

Она стоит на табурете спиной ко мне и достает из металлического шкафа бокалы для вина. Чудесное летнее платье в цветочек не скрывает ее длинные загорелые ноги.

Я опускаю пирог на кухонный стол, который уже заставлен тарелками с сыром, крекерами и тартинками.

– Ну вот, никто даже не догадается.

Сестра наконец оборачивается. Пристально смотрит на пирог. Я жду затаив дыхание.

– Отлично, Эмми.

Я выдыхаю:

– Ну вот, делов-то. Дар, не сердись, я ведь не нарочно.

Дария спрыгивает с табурета. Я чувствую слабый аромат ее цветочных духов. Каштановые волосы сестры мягко падают ей на плечи. Она их идеально выпрямила утюжком и слегка осветлила, так что теперь они отливают золотом.

Я достаю из кармана карандаш-корректор телесного цвета

и тычу им в шрам под губой.

– Кстати, Дария, ты шикарно выглядишь.

– Спасибо, – благодарит меня сестра. – Эй, а где Наталия? Помнишь, я говорила, что ей нужно помочь с домашним заданием?

– О, точно, – я бросаю взгляд на часы, – сейчас займусь. – На полпути к двери останавливаюсь. Уже почти семь. У меня появляется нехорошее предчувствие. – И еще ты что-то говорила про кексы, которые Мими должна завтра принести в школу.

– Точно! Спасибо, что напомнила. – Дария кивает в сторону коробки с сухой смесью для кексов. – Ох, Эмми, как хорошо, что ты у меня есть, ты настоящая палочка-выручалочка. Ну что бы я без тебя делала?

Пока раковина наполняется водой, я смотрю сквозь кухонное окно на задний двор. По стеклу стекают капли дождя, двор уже погрузился в темноту. Из гостиной доносится щебет Дарии. Она прощается с последней гостьей.

– Передай сестре, что пирог – просто чудо, – говорит та. – И обязательно пригласи ее в следующем месяце, когда собрание клуба будет у меня. Но только предупреди, что я предпочитаю нон-фикшн. Для нее это, вероятно, будет сложновато.

Это еще что такое? Я быстро вытираю руки и уже готова выступить в свою защиту, но меня останавливает голос сестры:

– У Эмми, между прочим, степень бакалавра по английской литературе. Уж поверь мне, она справится.

Судя по тону, Дария не на шутку разозлилась.

Я улыбаюсь. Пусть с тех пор, как она говорила мне это лично, прошли годы, но моя старшая сестра по-прежнему гордится мною.

Спустя еще десять минут я ставлю последний бокал в шкаф и вешаю кухонное полотенце на дверную ручку.

Оглядев чистую, без единого пятнышка, кухню, беру тарелку из-под своего пирога, выключаю свет и, выйдя в коридор, громко объявляю:

– Я ухожу.

Дария выходит из спальни. Она уже переоделась в светло-голубую ночную сорочку. Меня захлестывает волна воспоминаний. Старшая сестра в пижаме сидит, скрестив ноги, на кровати и полирует мне ногти. Мы в одинаковых ночнушках с расческами в руках вместо микрофонов поем песню «Wannabe» из репертуара группы *Spice Girls*. Мне приснился кошмар, и Дария успокаивает меня, нежно массируя спину.

– Спасибо, Эмми, – говорит она.

– И тебе спасибо. Я слышала, что ты сказала своей подруге. Той, которая думает, что нон-фикшн мне не по зубам.

Дария пожимает плечами:

– Я что угодно скажу, лишь бы заткнуть Лорен. Уж больно много эта овца о себе воображает.

– О... Но все равно спасибо. – Повисает неловкая пауза;

я поправляю очки. – Кексы для Мими на столе.

– Отлично!

Дария идет по коридору и останавливается на расстоянии вытянутой руки от меня.

– Как прошло обсуждение новой книги?

Сестра отводит глаза:

– Ой, такая тоска. Ты ничего не потеряла.

– Правда? Судя по тому, что я постоянно слышала взрывы смеха, вам было весело.

Дария вздыхает:

– Извини, Эмми. Я не думала, что домашнее задание Наталии займет столько времени.

Мне хочется спросить: «Да что такое с нами происходит?» Сердце бешено колотится в груди.

Я собираюсь с духом и выпаливаю:

– Дар, что я сделала не так?

Сестра скрещивает руки на груди, переминается с ноги на ногу, а потом нервно хихикает:

– Надо было разрешить ей пользоваться калькулятором.

– Но ведь учителя запрещают это.

– Да плевать на запреты! Зато калькулятор экономит кучу времени.

Мы обе прекрасно понимаем, что мой вопрос был вовсе не про домашнее задание, но Дария, как всегда, уходит от ответа. Я отступаю:

– Ну ладно, мне пора.

– Да, конечно, Эм, береги себя.

Я смотрю на тарелку и жду, что сестра еще что-нибудь добавит, но она молчит.

И в конце концов я говорю сама:

– Ты ничего не сказала о моем пироге. О том самом пироге, который попросила меня испечь. – Я понимаю, что в моем голосе слышен сарказм, но ничего не могу с собой поделать, все это слишком больно. – И как он тебе?

Дария хлопает себя по лбу:

– Pizza di crema? О, она произвела настоящий фурор! Никто и не заподозрил, что пирог был раздавлен всего за час до подачи на стол. Ах, Эмми, ты просто пекарь от Бога! Честное слово, я не преувеличиваю! – Сестра склоняет голову набок, и меня обволакивает ее мелодичный смех – волшебный звук, который я когда-то воспринимала как должное. – Ах, как мне повезло с сестрой! Что бы я без тебя делала! – восклицает Дария.

И я тут же ее прощаю.

Глава 6

Эмилия

Явсего в квартале от дома Дарии, а волосы у меня уже совершенно вымокли. Ветер усилился, к вечеру сильно похолодало. Быстро семеню по улице, проклиная себя за то, что не взяла плащ. Навстречу идет мужчина под огромным зонтом-тростью. Фары машины освещают его улыбающееся лицо. Я чувствую прилив благодарности.

– Ой, это ты?

– Привет! – Мэтт привлекает меня к себе под зонт и вручает мне толстовку. – Я помню, что ты хотела пройтись пешком, но уж больно погода испортилась...

Я натягиваю толстовку:

– Спасибо.

Мэтт надевает капюшон мне на голову:

– Как прошло собрание клуба?

– Было очень весело, – отвечаю я и опускаю глаза, сосредоточив все свое внимание на блестящем от дождя асфальте.

– Ясно.

Некоторое время Кузумано идет молча; это молчание друга, который знает тебя всю жизнь и всегда чувствует, когда ты говоришь неправду.

Я меняю тему:

– Не успела тебе рассказать – тетя Поппи пригласила меня поехать вместе с ней в Италию.

– Что?! Вот здорово! Наконец-то у тебя появился шанс отправиться в путешествие. Эмилия, ты ведь всегда об этом мечтала.

Мэтт один из очень немногих моих знакомых, который знает, что я постоянно беру в библиотеке журналы о путешествиях, а в старших классах, составляя так называемую карту желаний, нарисовала на ней далекие города и страны, в которых мечтала побывать.

Я продолжаю смотреть на мокрый тротуар.

– Угу.

– Тетя Поппи... это та ваша родственница, с которой никто не общается?

– Да. И я понятия не имею, почему она вдруг решила выбрать меня в компаньонки.

– Наверняка умная женщина. И когда ты едешь?

– Что ты, Мэтт, я никуда не поеду. Да бабушку удар хватит. Она ненавидит Поппи.

– Так ее никто и не приглашает в поездку. А при чем здесь ты?

– Для бабушки дружба с Поппи равнозначна предательству. Дария тоже так считает.

Капли дождя мерно стучат по зонту. Мы молча проходим целый квартал.

– Почему ты позволяешь родным так с тобой обращаться-

ся? – спрашивает мой спутник.

Я бросаю на него косой взгляд. У Мэтта слегка играют желваки на скулах, он трясет головой.

– Послушай, – вздохнув, говорю я, – я знаю, о чем ты думаешь. Но тут дело в другом. Это вопрос лояльности и...

– Чушь собачья! – Мэтт поднимает руку, чтобы я его не перебивала. – Господи, Эмилия, ты ведь у нас девушка принципиальная! На прошлой неделе в «Да Винчи» ты устроила взбучку парню за прилавком, который не желал замечать пару с Ближнего Востока. А помнишь, Четвертого июля стояла страшная жара и ты увидела колли, запертую в машине? Ты полчаса прождала хозяйку собаки, чтобы высказать ей все, что о ней думаешь. – Мэтт криво улыбается и продолжает уже более мягким тоном: – И я люблю тебя за это, Эм. Так какого дьявола ты позволяешь бабушке и сестре помывать собой?!

Я молча трясую головой. Мэтту не понять, у них дома все иначе. Он и трое его младших братьев – лучшие друзья. И вообще, у Кузумано принято завершать разговор по телефону словами «люблю тебя».

– В моей семье чувства выражают не так, как у вас, – пытаюсь объяснить я, хотя меня уже начинает утомлять этот разговор. – Но это не значит, что мои родные – черствые люди. Помнишь, что было, когда восемь лет назад у дяди Винни случился сердечный приступ?

Мэтт закатывает глаза:

– Да, вся твоя семья сплотилась.

– Вот именно. И не надо так на меня смотреть. Бабушка каждый вечер посылала тете Кэрол ужин. Кармелла и Люси целый месяц жили у нас. И мною никто не помыкает, все очень меня любят. Особенно бабушка. Она всю свою жизнь посвятила нашему с Дар воспитанию. И никогда ничего не просила взамен.

– Ага, ничего, кроме твоего безоговорочного послушания, – бурчит Мэтт.

Но я пропускаю эту его реплику мимо ушей.

– А когда у меня были неприятности в колледже, бабушка на три дня закрыла магазин, чтобы быть рядом. Вот для чего существует семья. Так что, пожалуйста, не говори так, будто у моих родных нет души. Они хорошие люди.

– Да, по отношению ко всем, кроме тебя и тети Поппи.

Слава богу, мы уже подошли к моему дому!

– Спасибо за зонт и за толстовку.

Мэтт поворачивается ко мне:

– Знаешь, на меня снизошло озарение. Думаю, я наконец понял, почему ты миришься с таким к себе отношением. – Мэтт прикусывает губу и делает вид, будто приглядывается ко мне. – Да ты боишься, Эмилия.

– Боюсь? – смеюсь я, – Ладно, Кузумано, думай что хочешь, мне все равно. – Я выхожу из-под зонта. – До завтра.

Мэтт хватается за рукав толстовки:

– Брось, Эм! Я не шучу. Ты боишься, потому что по сво-

ему опыту знаешь, как в твоей семье поступают с теми, кто не играет по правилам.

Капли дождя забрызгивают очки и стекают по носу.

– Что ты имеешь в виду?

– Да то, что с тобой и с этой тетушкой Поппи обращаются так, будто вы хуже других. И все из-за каких-то гребанных бредней. – У меня учащается пульс, ведь Мэтт говорит о проклятии. – Это ненормально. То, как твоя бабушка порвала все связи с родной сестрой. Я всегда считал, что это противостоит природе. А ты... Ты чуть ли не на цыпочках ходишь вокруг нее и Дарии, выполняешь все их прихоти. Черт, да ты даже готова отказаться от путешествия в Италию, хотя всегда об этом мечтала! И я уверен, ты будешь продолжать в том же духе, только бы они тебя любили. Ты боишься, что если перестанешь им подчиняться, то рано или поздно наступит день, когда ты останешься совсем одна. Как тетя Поппи.

Я хочу возразить, но не доверяю своему голосу и прикладываю пальцы к подбородку. Взгляд Кузумано становится теплее.

– Эй, я не хотел тебя расстраивать.

Мэтт без предупреждения наклоняется и целует меня в щеку. Я инстинктивно отшатываюсь назад. А потом, как будто этого унижения для него мало, вытираю ладонью щеку, к которой прикоснулись его губы. Даже при тусклом уличном освещении видно, что моя реакция его ранила.

– О господи, Мэтт, я вовсе не...

Он в очередной раз поднимает руку, призывая меня замолчать. Секунду просто смотрит на меня, а потом качает головой:

– Как ты не понимаешь – у тебя появилась уникальная возможность! А ты собираешься профукать ее, потому что до смерти боишься двигаться вперед? – Мэтт начинает тараторить, так всегда бывает, когда он злится. – Тебе двадцать девять лет, Эм. Ты давно уже не ребенок. Перестань притворяться, будто не видишь того, что у тебя под самым носом. Судьба дает тебе шанс. Так не упusti его. Потому что, помни мое слово, однажды наступит день, когда ты очень пожалеешь о том, что отказалась от самого лучшего, что могло случиться в твоей жизни.

Я с трудом сглатываю, у меня вдруг пересыхает во рту. В голову закрадывается мысль о том, что этот разговор не имеет никакого отношения к Италии.

Мэтт прикасается к моей влажной щеке. В этот раз я запрещаю себе даже вздрагивать.

– Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Да, – шепчу я в ответ, а сердце громче колотится в груди.

Это поворотный момент. Мэтт ждет, что я сделаю шаг навстречу, скажу что-нибудь такое, что даст ему надежду. Мой давний приятель, верный товарищ, с которым мне всегда было легко и просто, друг, за которого я пойду в огонь и в воду, хочет от меня большего, чем дружба. Но я не могу ему этого дать.

Я закрываю глаза. Мне тошно от страха, возмущения и чувства собственной вины.

– Я прекрасно понимаю, о чем ты говоришь. И ты абсолютно прав. – Я улыбаюсь и хлопаю Мэтта по плечу. – Я действительно очень хочу полететь в Италию.

После этих слов я машу ему рукой и ухожу.

Господи боже мой, а ведь я научилась уклоняться от прямых ответов не хуже старшей сестры!

Как можно медленнее открываю парадную дверь, вхожу и оказываюсь в Африке: внутри очень жарко и душно. Бабушка так и не смогла адаптироваться к нью-йоркскому климату, и это единственная ее слабость. Мысленно возвращаюсь к разговору с Мэттом. Он в корне не прав. Я никогда не стану в семье изгоем, как тетя Поппи. С тихим щелчком я закрываю за собой дверь. В темноте иду по мозаичному полу и уже у самой лестницы спотыкаюсь о чью-то обувь.

– Черт! – непроизвольно вскрикиваю я и в следующую секунду прикрываю рот ладонью.

Но поздно. В холле включается свет. В дверях квартиры на первом этаже появляется квадратный силуэт бабушки. Она стоит, уперев руки в бока. Молния на ее полинявшем зеленом халате застегнута до самого подбородка.

– Silenzio!¹⁰ – шипит бабушка. – Отца разбудишь.

У бабушки сильный акцент, и она то и дело разбавляет свой ломаный английский родными итальянскими словами и

¹⁰ Тихо! (*ит.*)

выражениями. Хотя бóльшую часть своей жизни Роза Фонтана прожила в Америке, все эти годы в основном общалась с такими же иммигрантами, как и она сама, поэтому ее знание английского, скажем так, довольно скромное. Бабушка из тех, кто предпочитает изоляцию интеграции, а потом жалуется, что никак не может адаптироваться.

Я смотрю под ноги и вижу, что споткнулась о пару ортопедических туфель.

– Это твои. – Я подбираю их с пола и протягиваю бабушке.

Роза выхватывает у меня свои туфли. Вид у нее возмущенный, но я-то знаю эти уловки: она специально оставила обувь возле лестницы, чтобы услышать, когда я вернусь домой.

– *Mi dispiace*¹¹, – извиняюсь я (подумаешь – чуть шею не сломала) и поворачиваюсь к лестнице, чтобы скорее укрыться в Эмвилле.

– Ты получила письмо от Поппи?

Я закатываю глаза. Дария вообще способна хоть о чем-то не докладывать бабушке?

Роза скрещивает руки над животом, как над своим персональным прилавком.

– И как только моей сестре пришло в голову, что ты полетишь с ней в Италию? Ты что, переписывалась с Паолиной? Или даже встречалась? Отвечай, Эмилия Джозефина!

– Мы только обмениваемся открытками по праздникам,

¹¹ Прости (*ит.*).

бабушка. Я уже лет десять ее не видела. С похорон дяди Бруно. Клянусь! Правда, тетя Поппи есть у меня в друзьях на «Фейсбуке», но она туда почти не заходит.

Бабушка фыркает и громко хлопает в ладоши:

– На «Фейсбуке»? Да Поппи совсем сдурела! Вот что я тебе скажу, Эмилия, эта женщина – *indecente*¹². Держись от нее подальше. *Capisci?*¹³ Держись подальше!

Я смотрю на перекошенное лицо бабушки. Глаза ее сверкают; наверняка, если бы она ощерилась, я бы увидела, как она скрежещет зубами. Роза сверлит меня взглядом и ждет, когда же внучка наконец проявит покорность. Это очень тяжело, но сегодня вечером я, преодолевая себя, отказываюсь ей подчиниться. Я упорно молчу. Бабушка вскидывает подбородок:

– Утром дашь мне письмо. Я сама ей отвечу. Напишу сестре, что ты не желаешь с ней общаться и не собираешься участвовать в ее глупых затеях.

Стиснув зубы, я поднимаюсь по лестнице. В ушах гремит голос Мэтта: «Ты на цыпочках ходишь вокруг нее... Ты боишься...» За две ступеньки до лестничной площадки я останавливаюсь и смотрю вниз. Бабушка с ортопедическими туфлями в руке, громко шаркая ногами, плетется обратно в свою квартиру.

– Бабушка!

¹² Неприличная, непристойная (*um.*).

¹³ Понимаешь? (*um.*)

Она оборачивается и поднимает голову. Ее брови ползут к переносице, а у меня учащается пульс.

– Я сама отвечу тете Поппи.

Роза несколько раз моргает, а потом спрашивает:

– И напишешь, что не хочешь лететь вместе с ней в Италию?

Если я напишу такое, то это будет неправда. Я очень даже хочу полететь в Италию. Indecente Паолина Фонтана или нет, но было бы здорово поближе узнать эту загадочную женщину, которая украшает поля своих писем забавными рисунками. Она такая клевая и энергичная – в столь преклонные годы готова путешествовать по миру.

Бабушка прищуривается:

– Ты сделаешь это, Эмилия?

Я разворачиваюсь и поднимаюсь дальше. Завтра я как послушная внучка подчинюсь ее воле. Она будет удовлетворена, и Дария тоже почувствует облегчение. Но сегодня вечером я получаю настоящее удовольствие, оставив бабушкин вопрос без положительного ответа.

Девочки и девушки часто мечтают о белом платье и обручальном колечке. Наверное, и меня в детстве посещали подобные мечты, но я их переросла и научилась жить одна; более того, мне это даже нравится. В отличие от большинства женщин на пороге тридцатилетия я могу весело проводить вечер с друзьями и при этом совсем не тревожусь, встретит-

ся ли мне на вечеринке тот самый единственный или нет. Я экономлю целую кучу денег на косметике, пользуюсь только карандашом-корректором, ношу практичную обувь и очки в удобной оправе. Я не хожу в спортзал, где есть шанс познакомиться с другими активными одиночками, а вместо этого бегаю по парку в старых растянутых спортивных штанах и занимаюсь йогой у себя в гостиной, иногда даже в пижаме. А когда порой знакомлюсь с парнем, который проявляет ко мне интерес, у меня в животе не порхают бабочки. И я не представляю стайку детишек с его волосами и моими глазами. Я никогда не стараюсь показаться остроумной или как-то еще произвести впечатление. Я остаюсь собой, и это обычно удерживает потенциального жениха от дальнейших ухаживаний.

Сегодня понедельник – мой законный выходной, погода отличная, и я бегаю в Петрозино-парке, наслаждаясь новой песней группы *Lord Huron*. Приходит эсэмэска, я замедляю шаг и читаю:

Привет, Эмс. Вечером как обычно?

Мы с Мэттом в последнее время пересматриваем сериал «Офис». Идеальная отмазка для того, чтобы часами пребывать в анабиозе, поедая в немыслимых количествах сырные чипсы. Значит, Эмс? Я улыбаюсь: приятно, что Мэтт вспомнил мое старое прозвище. Возможно, возникшая между нами странная аура наконец исчезла? Посылаю ему эмодзи «большой палец вверх». И мгновенно получаю в ответ

«сердечко».

«Сердечко»? Seriously? Засовываю смартфон в карман и возобновляю пробежку. Спустя минуту раздается звонок.

Я дважды прикасаюсь к «айрподсам»:

– Что, Кузумано?

– Э-э-э... Привет, Эмилия!

Резко торможу и достаю смартфон. С экрана улыбается симпатичная женщина с оливковой кожей. Кто же без предупреждения включает фейстайм? Я снимаю с очков солнцезащитную насадку.

– Тетя Поппи?

Глава 7

Эмилия

Вьющиеся серебристые волосы моей собеседницы перехвачены темно-синей лентой. Я вытираю рукавом лоб.

– Тетя Поппи? Это ты?

– С утра была я! – Тетя смеется, и в уголках ее темных глаз появляются чудесные морщинки. – До чего же я рада тебя видеть, Эмилия! – Она внимательнее вглядывается в экран. – Да ты уже совсем взрослая!

Я смеюсь и трогаю пальцем шрам под губой:

– Еще бы.

– И до сих пор носишь эти винтажные очки.

– О, они вовсе не винтажные.

– Но вполне могут за таковые сойти. Ладно, давай поговорим о нашей грядущей поездке.

Я упираюсь ладонями в колени и пытаюсь восстановить дыхание. И собраться с мыслями. Приглашение от тети пришло около недели назад. Я, как и потребовала бабушка, на следующий день написала вежливый ответ: мол, спасибо большое, но нет. Она что, его не получила?

– Мне очень жаль, тетя Поппи, но я не могу полететь в Италию.

Тетя постукивает по подбородку наманикюренным паль-

цем:

– Моя дорогая девочка, не стоит так быстро отказываться. Поверь, жизнь покажется тебе гораздо интереснее, если научишься отвечать: «А почему бы и нет?»

Я слышу, как на заднем плане кто-то звонит в дверь. И радуюсь, что появился благовидный предлог прекратить этот разговор.

– Похоже, к тебе пришли, так что поговорим в другой раз.

– Ну уж нет, нам надо спланировать поездку. Подожди минутку, не отсоединяйся.

Тетя, не прекращая говорить, быстро идет через гостиную, стены которой выкрашены в барвинковый цвет. Картинка так раскачивается, что у меня даже голова начинает кружиться. Мелькает строй всевозможных безделушек. Старинные часы над камином. Подушки самых разных цветов и размеров, бордовый ковер с длинным ворсом, кресло с расцветкой под зебру. Я вижу в углу круглое подвесное кресло из ротанга. А чем это украшен светильник? Никак фигуркой обезьянки, вырезанной из слоновой кости?

Дверь распаивается, и экран мобильного заливают яркий свет.

– Броуди! – Тетя направляет смартфон на высокого мужчину лет шестидесяти с взлохмаченными светлыми волосами; он одет в джинсы и фланелевую рубашку. – Знакомься, это Эмилия. Эмилия, это Броуди.

Я смущенно хихикаю:

– О, приятно познакомиться, Броуди.

– И мне тоже. – Низкий голос мужчины очень подходит к его грубоватой внешности. – Ваша тетя ждет не дождется, когда вы отправитесь в путешествие.

Ну вот, этого еще не хватало! С какой стати Поппи рассказывает своим знакомым, что я лечу с ней в Италию? Я слышу, как Броуди говорит тете, что на сегодня работу закончил. Телефон подрагивает, и я мельком вижу сморщенную руку.

– На удачу! – Тетя кладет в ладонь Броуди блестящий пенни и машет ему на прощание. – До скорого, мой дорогой друг! Ступай и поделись своим светом с этим миром!

Наконец на экране снова возникает ее лицо.

– Броуди – настоящий подарок небес, – говорит Поппи и закрывает дверь. – Даже не знаю, что бы я без него делала. Бедняга потерял ногу во Вьетнаме. Но он приходит каждый день, помогает мне с Хиггинсом. Хиггинс – это мой двадцатилетний мерин. – Я не успеваю переварить тот факт, что у моей тети есть лошадь, а она добавляет: – Томас, отец Броуди, был моим спутником.

– Твоим спутником? Ты хочешь сказать...

– Да, Эмилия, он был моим любовником. Храни Господь его душу!

Если бабушка Роза, темная, грузная и потрепанная, – это воплощение старой Италии, то Поппи – энергичная, жизне-

радостная и немного легкомысленная – олицетворяет собой космополитичную Америку. У тети сохранился слабый итальянский акцент, но это лишь придает ей изюминку.

Поппи сейчас в Девоне, штат Пенсильвания, но, когда она заходит в заставленную мебелью кухню, у меня возникает такое ощущение, будто я там, рядом с ней. Тетя объявляет, что наступило время чаепития. Я, естественно, ожидаю увидеть чайник и чашки, но она вместо этого достает из буфета бутылку джина «Бомбей» и улыбается:

– Как предпочитаешь, с мартини или со льдом?

– Мне, пожалуйста, с мартини и еще обязательно добавить пару оливок, – поддерживаю я игру.

Тетя весело смеется:

– Ах, как бы я хотела, чтобы мы сейчас были вместе. Напились бы прямо среди бела дня.

Я устраиваюсь на скамейке. Солнце пригревает плечи. Тетя смешивает себе коктейль. Она прислонила смартфон к бутылке, но не очень ровно, и я вижу только ее левую половинку. Большую часть экрана занимает холодильник с фотографиями – детей, включая младенцев, и взрослых самых разных национальностей. Толпа женщин в розовых кепках с плакатами в руках на каком-то митинге. Поппи в жокейском костюме верхом на великолепной черной лошади. На Хиггинсе, надо полагать. Снова она. Стоит по колено в воде на берегу океана в компании друзей, причем все они вдвое моложе ее.

Поппи бросает взгляд на холодильник у себя за спиной. Я чувствую, что краснею, как будто в замочную скважину подглядывала.

У тети блестят глаза.

– Жизнь лучше измерять друзьями, а не годами, не находишь?

Не дожидаясь моего ответа, она берет свой бокал и шейкер для martinis. Экран смартфона темнеет – видимо, тетя взяла его под мышку.

Когда я вижу Поппи в следующий раз, она уже стоит на тенистой террасе.

– Мой маленький рай, – говорит тетя и медленно демонстрирует панораму сада.

Между сказочными феями и разноцветными гномами как попало расставлены глиняные горшки с непокорным выюнком, розовыми гибискусами, ярко-оранжевым маком и другими растениями. Аллигатор в натуральную величину, деревянный символ мира и радуга из жести.

– Оцени мой последний проект. – Тетя садится около пруда с золотыми рыбками и слегка похлопывает по воде. – Эй, Немо, я пришла! – зовет она. – Дори, плыви сюда!

Я не выдерживаю и громко хохочу:

– У тебя просто чудесно!

И это правда. Дом Поппи вдохновляет, пьянит и одновременно манит, как зарисовка из какого-нибудь фантастического романа, где героиня может быть эксцентричной и мо-

лодой в душе чудачкой... или полной психопаткой...

Тетя нарушает ход моих мыслей:

– Совсем рехнулась.

– Что?

Она встает на ноги:

– Ты ведь так обо мне сейчас подумала?

– Нет, что ты! – Я нервно хихикаю. – Просто...

Поппи смеется и устраивается в плетеном кресле с подушками разных цветов и размеров.

– Все нормально, Эмили. Знаешь, я обожаю сумасшедших. Тех, кто с головой бросается исследовать неизведанное, кто умеет заразительно хохотать и помешан на творчестве. Тех, кто всегда поддержит в беде, не боится поражений и любит неожиданности. И я подозреваю, что ты как раз из таких.

Я в ответ мычу, словно дурочка, а сама надеюсь, что это мычание будет воспринято как согласие.

Тем временем Поппи устанавливает смартфон на столе и на этот раз направляет его прямо на себя, так что у меня впервые появляется возможность хорошенько ее разглядеть. Она худая, у нее чудесная оливковая кожа и слегка подкрашенные розовой помадой полные губы. На тете белый льняной сарафан с поясом цвета фуксии и массивные оранжевые бусы.

– За Эмилию! – Поппи поднимает бокал, и на ее тонком запястье звякает целая дюжина разноцветных браслетов.

Я в сотнях милях от Девона сижу на скамейке в парке и

поднимаю в ответ воображаемый бокал.

– Ведь мы обе из клана младших дочерей, – заключает Поппи.

Я давлюсь воображаемым мартини. В памяти всплывает история Филомены, Козимо и бедняжки Марии.

– За нас, хотя лично я и не верю в это проклятие.

– Надеюсь, что нет. – Тетя качает головой. – Всю жизнь меня просто трясет от несправедливости этой семейной легенды.

– И меня тоже. Бедная девушка подверглась сексуальному насилию, а в результате на нее же еще и навесили страшное проклятие. Черт знает что такое!

– Да уж, стыдоба. Филомена и Мария должны были выступить единым фронтом: крепко взяться за руки и надавать этому похотливому козлу Козимо по яйцам.

Я хохочу во весь голос:

– Аминь!

Меня не покидает ощущение душевного родства с моей «сестрой» из клана младших дочерей. И плевать на разницу в возрасте! Тетя поджигает под себя ноги, и я вижу ее смуглые ступни с оранжевым педикюром.

– Эмилия, я хочу узнать о тебе как можно больше. Расскажи мне о своей жизни.

Я поудобнее устраиваюсь на скамейке и начинаю старательно описывать Дарию и Мэтта, моего кота, мою работу и моих племянниц. Даже про свою маленькую квартирку по-

дробно рассказываю. Получается просто замечательно.

– Вот примерно так. Моя жизнь не такая уж интересная.

– Это не важно, – пожимает плечами тетя, – скоро все изменится. Ты накануне путешествия в Италию! «Все включено»!

«Все включено»? Тетя вроде как учительница на пенсии. Кажется, преподавала историю искусств. Как, интересно, она может позволить себе путешествие в Европу? И такой прекрасный дом, да еще в придачу лошадь и наемного работника? Она что, всю жизнь на эту поездку откладывала?

Я перемещаюсь со скамейки на беговую дорожку с искусственным покрытием.

– Это невероятно щедрое предложение, – говорю я на ходу, – но я никак не могу бросить работу. Так что извини.

– О да! Приготовление канноли – на редкость увлекательное занятие. Не сравнить с каким-то там путешествием по Италии, – саркастически замечает Поппи. – Эмилия, ты молодая женщина. Если тебя не вдохновляет перспектива отправиться посмотреть мир, то дело плохо: можешь прямо сейчас прыгнуть в ящик и сложить ручки.

«Ящик», я так понимаю, – это гроб. Для Поппи такая жизнь, как у меня, равносильна смерти.

Я открываю рот, чтобы что-нибудь сказать ей в ответ, сама еще не решила, что именно, и тут меня на ходу задевает велосипедист.

– Разуй глаза! – кричит он через плечо.

– Простите! – кричу я ему вслед и поскорее возвращаюсь на скамейку.

– Эмилия, дитя мое, – говорит тетя Поппи, – сделай одолжение: перестань извиняться, когда не чувствуешь себя виноватой.

– Что? – не понимаю я.

– Вернемся к нашей поездке. Я все спланировала. Восемь дней в Италии, плюс двое суток на дорогу в оба конца. Поначалу будем любоваться видами Венеции и Флоренции, но в Равелло – это прекрасный город на холмах Амальфитанского побережья – мы должны оказаться двадцать второго октября. – Поппи улыбается, глядя в камеру. – В этот день мне исполнится восемьдесят лет.

– Но, тетя...

– Вылетаем через шесть недель. Я подумала, будет неплохо, если ты приедешь за мной сюда, в Девон. Я живу в двадцати минутах от Международного аэропорта Филадельфии.

– Я не вожу машину.

– Ох уж эти мне жители мегаполисов, – хмыкает тетя. – В таком случае встретимся в Нью-Йорке, в аэропорту имени Джона Кеннеди. Не сомневайся, мы отлично проведем время в Италии. Начнем наше путешествие в Венеции, а потом...

Я растерянно потираю свой шрам:

– Тетя Поппи, пожалуйста, не надо. Я не могу принять твоё предложение. Это в принципе невозможно...

– Неправда, в этом мире нет ничего невозможного. – Она

пристально смотрит мне в глаза, буквально сверлит взглядом; теперь я даже рада, что мы общаемся виртуально. — Эмилия, невзирая на все твои протесты, я знаю, что ты до смерти хочешь полететь в Италию. Иначе зачем было сообщать в письме свой номер телефона?

— Ладно, — вздыхаю я. — Возможно, я бы и не прочь отправиться в путешествие, но дело в том, что бабушка не позволит. Она хотела ответить тебе за меня, но я настояла на своем. Мне показалось, что будет правильно, если я напишу тебе сама.

Поппи улыбается:

— Кто бы мог подумать? Оказывается, ты не такая уж и трусиха. Бабуля, наверное, взбесилась. Твоя мама была мягкотелой. Рада узнать, что ты способна за себя постоять.

У меня учащается пульс. Я всю жизнь мечтала побольше узнать о своей маме. Только несколько лет назад, после того как бабушка заявила, что хватит уже беречь старые раны, я перестала приставать к отцу с расспросами. О нашем внешнем сходстве я узнала благодаря фотографиям, а сам папа сообщил мне о маме только три вещи: она любила танцевать, ее любимый цвет был синий, и она терпеть не могла пауков. Мне грустно думать, что, возможно, это все, что было известно отцу о его молодой жене.

— А ты хорошо знала мою маму?

— Мы встречались на Рождество и на Пасху. Завидев меня, Джозефина спрыгивала с крыльца и радостно бежала по

дорожке навстречу.

Я представила, как тетя кружит мою маму и они обе хотят, как мы с Мими.

– Роза была против того, чтобы мы виделись чаще. Моя сестра слишком властная. Ну, это ты и без меня знаешь. А Джозефина – она была очень славная девочка.

Я крепче сжимаю телефон:

– Расскажи еще. Она любила в детстве читать? Была любознательной? Доброй? Пожалуйста, тетя Поппи, расскажи все, что ты знаешь о моей маме.

Глава 8

Поппи

1959 год, Треспиано, Италия

Впятидесятые годы вся Италия – и в особенности так называемый Индустриальный треугольник: Милан, Турин, Генуя – переживала бум. Благодаря плану Маршалла в страну стекались миллионы долларов. Но нашу маленькую тосканскую деревушку Треспиано, что совсем недалеко от Флоренции, эти перемены почти не коснулись. Мой отец был фермером, он всю жизнь работал в поте лица, но вот свалившимся на Италию «даром небес» воспользоваться не сумел.

Бруно, наш старший брат, и красавчик Альберто, жених Розы, трудились в поле вместе с отцом. Каждую неделю они отвозили урожай на рынок и возвращались с деньгами, которых едва хватало на текущие расходы. Да еще наш папа не был собственником земельного участка, он многие годы выплачивал ренту, так что разбогатеть нам было просто не с чего.

Жених Розы первым вслух заявил, что так жить нельзя и надо попытаться счастья где-нибудь в другом месте. Дольфи, наш младший брат, был еще слишком юн, чтобы задумываться о таких вещах. А вот Альберто и Бруно тогда уже исполнилось по двадцать четыре года – они были ровесни-

ки. Оба парня хотели отправиться в Америку, которая представлялась им землей обетованной.

У Альберто был дядя Игнацио, который уже три года как эмигрировал в Соединенные Штаты и поселился в Нью-Йорке. В письмах он рассказывал племяннику, что вполне доволен жизнью: у него в квартире есть холодильник и машина, которая сама стирает одежду. Игнацио открыл небольшой магазинчик-пекарню в Бруклине, в квартале под названием Бенсонхёрст. В том квартале обосновалось много иммигрантов из Италии. Игнацио писал, что нуждается в помощниках и что если Альберто с Бруно приедут в Америку, то у него они будут за месяц зарабатывать больше, чем дома на ферме за целый год.

Мой брат Бруно загорелся этой идеей, и молодые люди начали откладывать деньги. План они придумали следующий. Альберто должен был до отъезда жениться на Розе. А после того как он обоснуется в Америке, Роза переедет к нему и они начнут там новую жизнь. А потом и Дольфи должен был приехать, когда подрастет.

– Мы и вам с Паолиной тоже будем рады, – говорил моим родителям Альберто.

Что я знала тогда про США? Самая свободная и передовая в мире страна. Музей Гуггенхейма, похожий на огромную подводную лодку. Красавчик-сенатор Джон Фицджеральд Кеннеди, который, по слухам, скоро должен стать президентом. Все это поражало воображение, и я дрожала от

возбуждения при одной только мысли о том, что можно уехать туда жить насовсем. А вот сестра не разделяла моих восторгов. По вечерам в полумраке нашей маленькой спальни она делилась со мной своими страхами. Хотя Роза была на два года старше меня и побойчее многих мужчин, Америка пугала ее. Для нее гораздо важнее были чувство защищенности, стабильность и гарантия безопасности. Сестра предпочла бы прожить всю жизнь в Треспиано, в окружении многочисленных родственников, своих и мужа.

Альберто, Бруно и наш отец каждый вечер подолгу разговаривали за обеденным столом, планируя отъезд в Америку. Проблема с получением виз решилась просто: дядя Игнацио выступал поручителем и гарантировал правительству США, что по приезде сразу предоставит своим родственникам работу.

Роза за спиной Альберто смеялась над его планами, называла жениха фантазером и говорила, что они никогда не уедут из Треспиано и не оставят папу с мамой. Но я знала, что судьба сестры предрешена. У женщин в нашей семье никогда не было выбора. Она выйдет замуж за Альберто и, как только ее супруг окажется в Америке, покорно последует за ним. Альберто на новом месте будет нужна сильная, работающая жена, которая нарожает ему много детишек. А если Роза вдруг не захочет отправиться за океан, то в деревне найдется немало девушек, которые с радостью согласятся занять ее место.

Альберто Луккези в молодости был парень хоть куда. Танцевал лучше всех, а смеялся так заразительно, что никто не мог перед ним устоять. А уж какой красавчик: выше среднего роста, статный, с густой шевелюрой черных волос, и глаза у него были такие, что, казалось, он буквально тебя гипнотизирует. Я не раз была свидетельницей того, как под его обаяние попадали мои подруги, правда, сестре никогда об этом не говорила. Ну да Роза и сама это видела и страшно боялась, что у нее уведут жениха. Да еще наш отец невольно подливал масла в огонь. Он радовался за свою старшую дочь – еще бы, такого завидного парня отхватила. И все шутил о том, как ей повезло.

«Вот что значит удача, – повторял он. – Иной раз даже в незамысловатую сеть можно поймать самую большую рыбу в море».

И всякий раз, когда папа по простоте душевной говорил что-то в этом роде, Роза как будто бы съеживалась. А уж когда Альберто читал книги или газеты или пересыпал свою речь мудреными словами, которые она сама не могла не то что понять, но даже произнести, моя сестра чувствовала себя полной дурой и страшно огорчалась.

– Я ему быстро наскучу, – вздыхала она. – И Альберто бросит меня, вот увидишь.

– Что за чушь! – возражала я. – Не такой он дурак, чтобы бросить такое сокровище! Ты же самая добрая девушка в Италии. И готовишь лучше всех в Треспиано. Альберто пре-

красно понимает, что ты станешь просто идеальной женой.
– И матерью, – добавляла Роза. – Альберто хочет иметь много детей.

– Конечно. Ты будешь лучшей мамой на свете.

Когда Альберто начал откладывать деньги на отъезд в Америку, Роза даже не стала ничего говорить. Ей не хотелось думать о том, что будет дальше. О том, что ей в одиночестве придется пересечь Атлантику. Но теперь сестра часто просыпалась среди ночи и, в ужасе прижавшись ко мне, пересказывала очередной кошмарный сон, в котором бурлящая вода заполняла ее маленькую каюту, а она никак не могла выбраться наружу.

Однажды за ужином Роза объявила, что у нее чудесные новости. Отец наматывал спагетти на вилку, не особо прислушиваясь к болтовне старшей дочери, но мне стало любопытно, и я выпрямилась на стуле.

– Альберто написал своему дяде Игнацио, – сказала Роза, – и... – (Папа поднял на нее глаза.) – Игнацио согласен жениться на Паолине!

Я чуть не подавилась коркой хлеба.

– Они обвенчаются, как только мы с Паолиной приедем в Бруклин.

Отец весь так и засветился от счастья и поднял бокал кьянти:

– За Игнацио и Паолину! Вот уж не думал, что нам выпадет такая удача!

Родные уже решили мою судьбу. Я должна была поехать в Нью-Йорк и выйти там замуж за Игнацио, похотливого мужчину сорока с лишним лет, который надумал обзавестись молодой женой, чтобы та готовила, прибиралась в доме и стирала его вонючие шмотки.

Меня аж передернуло.

– Я никогда на это не соглашусь!

– Прошу, Паолина, – Роза умоляюще сложила ладони, – ты должна принять его предложение. Если ты будешь помолвлена с гражданином США, у тебя не возникнет никаких проблем с иммиграцией. И самое главное – мы поедем в Америку вместе.

– Этот Игнацио старый. Я никогда не выйду за него. Я его даже не знаю.

– Тише, тише, – попыталась вмешаться наша мама. – Не забывай, что ты младшая дочь в семье. Ты хоть понимаешь, Паолина, как тебе повезло? Подумай обо всех своих кузинах, которые никак не могут найти женихов. Да они бы с радостью ухватились за такую возможность.

Я швырнула салфетку на стол:

– Не верю я в это семейное проклятие. И никогда не верила.

Но пока я так возмущалась, у меня в памяти всплывали имена моей двоюродной бабки Изабеллы, тети Бланки, кузин Аполлонии, Сильвии, Эванджелины, Мартины, Ливии. Все они были младшими дочерьми в роду Фонтана. И ни од-

на из них не обзавелась семьей.

– Ты выйдешь за Игнацио замуж, у вас родятся дети, – продолжала мама. – Господь наконец услышал мои молитвы.

Я так резко встала из-за стола, что чуть не опрокинула стул.

– Что-то у меня аппетит пропал. – И выскочила из комнаты.

За пару шагов до лестницы меня догнала и схватила за руку Роза:

– Паолина, пожалуйста, не сердись. Я думала, ты обрадуешься. Ведь теперь мы можем поехать в Америку вместе.

Я почувствовала себя в ловушке. Да, я хотела помочь сестре, и я очень хотела уехать в США – свободную страну, где перед каждым открываются огромные перспективы. В Америке я бы даже могла поступить в колледж, о чем всегда мечтала. Но ни за что на свете я бы не вышла замуж за человека, которого не люблю.

– Мне не нужен муж. Я буду счастлива, если проживу до конца своих дней в одиночестве.

– Как ты не понимаешь! Для тебя это самый простой способ попасть в Штаты. – Роза притянула меня к себе и прошептала: – Тебя ведь никто не заставит выйти замуж за Игнацио, когда мы уже будем там, в Америке. – И сестра заговорщически подмигнула мне.

А ведь и правда, подумала я. Мы с Розой приедем в США как минимум на год раньше родителей. Америка – свободная

страна: там женщины имеют право голоса, они курят, водят автомобили и даже, по слухам, принимают таблетки, которыми можно предохраняться от беременности. Оказавшись там, я смогу делать все, что захочу. У меня аж дух захватило. Я крепко обняла Розу:

– Моя умная сестричка, как же я тебя люблю!

В конце сентября Роза и Альберто поженились. Свадебная церемония прошла, на мой взгляд, как-то слишком простенько и буднично: видимо, я по молодости лет ожидала чего-то грандиозного. А вот Роза была на седьмом небе от счастья.

– Теперь Альберто мой, – говорила она мне. – Мужчина моей мечты стал моим законным супругом, и никто не отберет его у меня.

Спустя два дня после свадьбы мы подали заявления на получение визы: Роза как жена человека, который в скором времени будет жить и работать в Соединенных Штатах, а я – как невеста итальянца, который уже имеет американское гражданство. Нам сказали, что ждать ответа придется несколько месяцев, а может, и целый год. А до той поры мы должны были скопить необходимую сумму на билеты – пересечь океан дорогое удовольствие.

Мне тогда еще не исполнился двадцать один год, и я живо интересовалась всем на свете: иностранными языками, историей, искусством, но вот образования у меня не было никакого. Я устроилась на работу в отель в соседнем городке

Фьезоле. Целые дни проводила в прачечной, которая находилась в подвале: там было жарко, влажно, от постельного белья постоянно валил пар – в общем, кошмар. По выходным я помогала маме готовить на всю семью, убиралась в доме и занималась курами и цыплятами. Мама подрабатывала тем, что брала на дом шитье, она учила меня штопать носки и чинить одежду, чтобы я ей тоже помогала.

Но шитье – это скука смертная. Повариха из меня была хуже некуда. Про уборку я и вовсе молчу. Кому понравится целыми днями ползать на карачках, периодически ныряя в ведро? Дома меня заедала тоска, и я предавалась мечтам. В один день фантазировала, будто хожу в Америке в университет, оканчиваю его и становлюсь архитектором. На следующий день – физиком. Иной раз я даже видела себя профессором. Мама называла меня *la mia sognatrice* – моя мечтательница.

Роза, как замужняя женщина двадцати двух лет, имела больше возможностей. У Альберто был кузен, друг которого работал в галерее Уффици во Флоренции. Если бы Роза сдала соответствующий экзамен, ее могли бы взять на работу гидом в этот всемирно известный музей.

Я так ей завидовала! В галерее Уффици самая богатая в мире коллекция произведений искусства эпохи Возрождения. Моя везучая сестра могла получить престижную увлекательную работу во Флоренции. Но для этого она должна была выдержать экзамен, а это задача не из легких. У Розы

глаза стекленели всякий раз, когда она пыталась изучить шестидесятистраничный справочник, который ей дал куратор из галереи. Бедняжка никогда не была любознательной и абсолютно не интересовалась искусством.

Каждый вечер после долгого рабочего дня мы с сестрой усаживались на маленькую кровать в комнате на чердаке, которая была нашей до того, как папа установил перегородку, чтобы у молодоженов было свое помещение. Я спрашивала ее о «Благовещении» Леонардо да Винчи и о «Мадонне Дони» Микеланджело, но Роза ничего не могла запомнить, ее голова была занята совсем другим. Она терзалась по поводу скорого отъезда Альберто и засыпала меня вопросами, на которые я затруднялась придумать подходящий ответ. Вдруг молодой муж забудет ее, как только уедет из Треспиано? А что, если корабль, на котором мы поплывем в Америку, потонет? Или, допустим, мы приедем в Штаты, а Альберто нас не встретит?

Наконец наступил последний вечер перед экзаменом. Я волновалась так, будто это мне предстояло его выдержать. Роза так ничего и не выучила, она путала даты и не отличала художников от скульпторов.

Я швырнула книжку на кровать и взяла сестру за руки:
– Ты понимаешь, насколько это для нас важно? Ты должна получить эту работу, Роза. Тогда мы скопим деньги на переезд в Америку, где ты станешь жить вместе с Альберто.

Роза улеглась на кровать и тяжело вздохнула:

– La mia sorella testarda, – «моя упрямая сестричка», так она порой меня называла. – Паолина, мне ни за что не сдать этот экзамен! Кто вообще сможет выучить подобную скукоптицу?

– Скукоптицу? Но ведь это жутко интересно. И, к твоему сведению, я все выучила.

Роза села на кровати. Я прямо видела, как крутятся шестеренки у нее в голове.

– Знаю! – воскликнула она и ткнула в меня указательным пальцем. – Ты сдашь экзамен и станешь гидом. А я займу твое место в прачечной и буду помогать маме по дому.

Я ушам своим не могла поверить. Сестра предпочтет работу в душной прачечной работе экскурсоводом в знаменитой галерее? Но почему?

– Мне надо быть ближе к дому, – сказала Роза словно бы в ответ на мой не заданный вслух вопрос. – Тут я буду в курсе местных сплетен – что там и как у Альберто.

Насколько же она была на этом зациклена! У меня даже сердце сжалось.

– Но, Роза, заявление подавала ты, и в галерею Уффици ждут тебя, а не меня.

Сестра посмотрела на меня в упор:

– Значит, ты притворишься мной.

И я не увидела в ее глазах ни тени сомнения в собственной правоте.

– Роза, нет, мы не можем... – Я буквально лишилась дара

речи.

И в то же время где-то в глубине души сквозь кокон страха начал проклевываться азарт. Неужели эта авантюра сойдет нам с рук?

Глава 9

Эмилия

Тетя встряхивает головой, как будто хочет выйти из транса. Я наблюдаю за ней на экране смартфона и надеюсь, что она продолжит свой рассказ, но Поппи тянется к шейкеру.

– Какая захватывающая история! Вы с бабушкой, наверное, были очень близки в молодости?

– Мы обожали друг дружку.

– А я совсем не знала дедушку Альберто. И понятия не имела, что он был сердцеедом, как и о том, что бабушка следила за ним.

– Моя сестра понимала любовь как обладание. – Поппи выливает последние капли джина в бокал. – А я смотрю на это иначе: если хочешь, чтобы любовь длилась долго, нужно постоянно поддерживать интерес к себе. А не привязывать человека веревками. Толку от этого все равно не будет.

– Согласна, – улыбаюсь я. – Так бабушка в конце концов перестала сомневаться в своем Альберто?

– Все наладилось, когда мы приехали в Америку. Как только люди становятся родителями, связь между ними крепнет. Это закон природы.

Я отколупываю от скамейки кусочек зеленой краски.

– Ты ведь никогда не верила в это проклятие, да, Поппи?

Даже в молодости?

– Никогда, – смеется тетя. – А ты разве верила?

– Нет, конечно, – отвечаю я и быстро меняю тему: – История очень интересная, но ты ни слова не сказала о моей маме.

– Всему свое время, милая. – Поппи откидывается в кресле. – А пока я закажу нам билеты.

Я чувствую, как внутри постепенно, словно туман над рекой, поднимается и нарастает желание действовать. Как отреагирует бабушка? Что скажет Дария? В голове эхом звучат слова Мэтта: «Ты чуть ли не на цыпочках ходишь вокруг них... только бы они тебя любили. Ты боишься, что если перестанешь им подчиняться, то рано или поздно наступит день, когда ты останешься совсем одна. Как тетя Поппи».

Если судьба изгоя когда-то меня страшила, хотя у меня пока, к счастью, не было такого опыта, то теперь все изменилось. Всего за час я узнала тетю Поппи, от которой моя семья избавилась, как от какой-нибудь пустой консервной банки. И что, разве у нее такая уж тяжелая и незавидная жизнь? Да ничего подобного! Эта женщина вовсе не одинока. Я увидела фотографии ее друзей и даже познакомилась с сыном ее любовника. Сегодня мысль о том, чтобы восстать против родных, уже не пугает меня. Напротив, она меня воодушевляет.

– У тебя ведь есть итальянский паспорт? – продолжает тетя. – Твоя мама должна была об этом позаботиться.

Моя мама родилась в Италии, и, соответственно, у меня

должно быть двойное гражданство, а это, видимо, очень важно для тети.

– Правда? Расскажи мне еще что-нибудь про маму, – прошу я.

– Ей нравилось жить на ферме. Мы вместе провели там лето, когда ей исполнилось восемнадцать.

На секунду мне показалось, что тетя меня обманывает или что-то путает. Да бабушка никогда бы этого не допустила.

Но потом Поппи добавляет:

– Естественно, Роза была в бешенстве. Она настаивала, чтобы твоя мама вернулась домой, и Джозефина в итоге подчинилась.

– Я ничего об этом не знала. А еще что-нибудь?

Поппи задумчиво разглядывает свой бокал:

– Вот прилетим в Италию, и я расскажу тебе все, что знаю о твоей маме. Обещаю.

Я чувствую себя словно коллекционер за секунду до того, как снимут покрывало с только что найденного шедевра. В кои-то веки у меня появился шанс сбежать из дому, отправиться в путешествие с двоюродной бабушкой, которая мне очень симпатична, и услышать от нее истории о моей маме. У меня сердце чуть ли не выпрыгивает из груди. В этот самый момент, сидя на скамейке в Петрозино-парке, я принимаю решение.

– Тетя Поппи... – Я делаю глубокий вдох. – Ты права: в этом мире нет ничего невозможного. – У меня на глаза на-

ворачиваются слезы; это от избытка чувств: я одновременно испытываю воодушевление и немного боюсь, но при этом предвкушаю свободу и независимость. — Я полечу с тобой в Италию. А почему бы и нет?

Тетя сияет от счастья:

— Отлично! Эмилия, девочка моя дорогая, ты унаследовала от Фонтана ген стойкости. Ты долгое время держала его под спудом, и вот теперь он, оказавшись на свету, заиграл красками, как *Pollia condensata*.

— Как что?

— *Pollia condensata*. Это африканские ягоды, самые яркие в мире. Они переливаются всеми цветами радуги.

Я смеюсь, так непривычно слышать похвалу в свой адрес.

— Спасибо.

— Ну а теперь, когда ты в деле, я могу пригласить также твою кузину и мою внучатую племянницу Лучану.

Я нервно хихикаю:

— Кого? Ты, наверное, имела в виду не Люси, а ее старшую сестру Кармеллу?

— Нет, я говорю о Лучане, двадцати одного года от роду.

Улыбка мигот испаряется с моего лица. У меня такое чувство, будто я ступила в трясину и теперь уже мне не выбраться на твердую почву. Мы с Люси, как младшие дочери в семье, негласно повязаны до конца своих дней. А теперь, когда нам обоим за двадцать, эта связь стала еще крепче. Но мне сложно представить более неудачную попутчицу для путе-

шествия в Европу.

– Я... я не знала, что Люси полетит с нами.

– И она тоже пока об этом не знает. Может, позвоним ей прямо сейчас? Включишь громкую связь и спросишь, не против ли она составить нам компанию.

Представляю, что может сморозить в ответ моя невоздержанная на язык кузина.

– О, пожалуй, лучше не стоит. Люси не из тех, кого ты захочешь услышать по громкой связи.

Поппи хлопает в ладоши:

– Она мне уже нравится!

– Тетя Поппи, Люси недавно устроилась на новую работу. И еще она только-только начала встречаться с одним парнем. Она никуда не поедет: это я тебе гарантирую.

Поппи делает серьезное лицо:

– То есть Люси не поедет с нами, потому что побоится потерять своего кавалера?

– Именно.

– Жуть какая! Позволить кому-то принимать за тебя самые важные решения.

– Люси – младшая дочь в семье, – напоминаю я Поппи. – Как и мы с тобой.

Тетя искоса смотрит на меня и замечает:

– Значит, ты все-таки веришь в это проклятие.

– Я? Нет, конечно! Я ведь уже говорила, что не верю.

Поппи пристально смотрит мне в глаза. Сердце громко

стучит в груди, и я мысленно возвращаюсь в тот день в классе сестры Реджины, когда семилетняя Эмилия впервые осознала, что всех младших дочерей в роду Фонтана объединяет некое странное обстоятельство... Но тогда я утешалась тем, что все это случилось когда-то в прошлом. А потом, три года спустя, бабушка Роза решительно вошла в нашу с Дарией комнату и объявила, что все младшие дочери Фонтана прокляты – в настоящем времени. В тот день, когда Роза вручила мне первый в моей жизни лифчик, она поведала нам с сестрой легенду о Филомене и Марии. Разве могла я, десятилетняя девочка с сиськами-прыщиками, усомниться в словах бабушки?

Но Дарии было двенадцать, она была моей старшей сестрой и защитницей. И она расхохоталась, как только Роза вышла из комнаты.

– Эмми, это же чушь собачья! Не верь ни единому ее слову. Ты не проклята, Богом клянусь! Вот, можешь принять от меня обноски. – Дария выхватила со своей полки старый полинявший бюстгальтер и переложила его в мое отделение. – Но не вздумай принимать всерьез бабушкины глупые сказки.

Не скрою, в тот день я поверила не бабушке, а сестре. Любая девочка ждет, что в ее жизни со временем появятся муж и дети. Но, став старше, я поняла, что Филомена и все младшие дочери семейства Фонтана выдали мне из прошлого своего рода охранную грамоту – идеальное оправдание для того, чтобы избежать всех переживаний и разочарова-

ний, которые неизбежно связаны с любовью. Вот парадокс: ни минуты в своей жизни я не верила в это дурацкое проклятие, и тем не менее я ему благодарна.

Я улыбаюсь тете:

– Естественно, я в него не верю. Это просто глупые сказки, старинная легенда. Но Люси верит. И она отчаянно хочет от него избавиться.

– О господи! Тогда сделаем так: ты скажешь Лучане, что, если она полетит с нами в Италию, мы покончим с этим дурацким проклятием семейства Фонтана раз и навсегда.

Я почесываю затылок:

– Но ты ведь не можешь этого обещать. Люси очень серьезно относится к этой легенде. Она тебе поверит, а потом ты сильно ее разочаруешь.

– Не беспокойся, я ее не разочарую. Если вы согласитесь, то обе вернетесь в Штаты освободившимися от этого проклятия. Жизнью клянусь!

У меня даже волосы на руках встают дыбом.

– Но... Разве это возможно?

– А почему бы и нет? Запомни, Эмилия: в этой жизни нет ничего невозможного, – заканчивает разговор тетя.

Глава 10

Эмилия

Когда десять лет назад я описывала Мэтту семейное проклятие семейства Фонтана, то сравнила его с черной полосой, которая наступила у бейсбольной команды. Фанаты понятия не имеют, когда она закончится, если вообще закончится, но не перестают с азартом следить за игрой.

Точно так же и с проклятием. Кто-то из моих родственников, подобно тете Кэрол, воспринимает его как вызов и намерен сражаться. Другие, вроде бабушки Розы, смиренно принимают его. Попадаются скептики – я, например, – которые готовы поклясться, что все это простое совпадение. Но есть в нашей семье одна нить, которая связывает все лоскуты семейного одеяла Фонтана. Всем родителям хочется, чтобы именно их младшая дочь вышла замуж и разрушила злые чары. И ведь были попытки, которые почти удались. Так, сестра моей прапрабабушки – уж не помню, как ее звали, – заразилась оспой и умерла всего за три дня до венчания. Или, скажем, бедняжка Оливия: она ведь тоже готовилась к свадьбе, но потом оказалось, что ее жених – священник, давно женат и имеет шестерых детей. Теперь наступил черед нашего поколения. Мы должны победить проклятие. И здесь большие надежды возлагаются на Люси – молодую и

красивую. Лучана, можно сказать, в этом деле фаворит: она ведь на целых восемь лет моложе меня.

Солнце клонится к закату, тени наползают на парикмахерскую дяди Дольфи. Я обхожу дом и поднимаюсь по знакомым ступенькам. Бабушкиного брата я навещаю каждый день, но к его сыну и моему дяде Винни, который живет в квартире по соседству, не заходила уже три недели. Стучу в металлическую дверь и надеюсь, что мой стук услышат сквозь грохот музыки: внутри звучит баллада в исполнении Эда Ширана.

– Люси! Тетя Кэрол! Кармелла! – кричу я сквозь сетку. – Есть кто дома?

Я уже готова постучать снова, и тут из-за угла появляется Люси. Она на ходу поправляет лямку бюстгальтера. Сколько ее ни вижу, у нее всегда другой цвет волос. Сегодня она платиновая блондинка. На губах Люси играет слабая улыбка, которую можно было бы назвать похотливой, но как только кузина меня замечает, сразу становится серьезной.

– Эмми? Ты что здесь делаешь? – Люси вытягивает шею, чтобы осмотреть улицу. – Кармеллы дома нет. Мама разносит заказы клиентам. Приходи завтра.

Моя тетя Кэрол занимается продажей косметики «Эйвон» и считает, что оставлять товар на крыльце непрофессионально. Даже один-единственный пузырек лака для ногтей она все равно предпочитает вручать лично. Ну и разумеется, благодарные покупательницы угощают ее чашечкой кофе, к ко-

торой прилагается печенье или кусок пирога. В результате с тех пор, как тетя начала распространять продукцию «Эй-вон», она поправилась на тридцать фунтов, но зато собрала все слухи от Кони-Айленда до Бей-Риджа.

– Я пришла к тебе, Люси. Мы можем поговорить? Есть свободная минутка?

Лучана бросает взгляд на экран телефона, который держит в руке, и открывает дверь.

– Ну, одна минутка у меня найдется. – Я вхожу в дом, а она снова оглядывает улицу из конца в конец. – Но не больше. Вообще-то, я жду кое-кого на ужин.

Я с трудом сдерживаю улыбку. Моя кухня – в красном эластичном комбинезоне, с подведенными черной тушью глазами – точно настроилась на свидание.

Маленькая гостиная, которая годами служила местом для празднования крестин, первого причастия или окончания школы, как всегда, в идеальном порядке. Согласно правилу тети Кэрол, хуже неприбранного дома только женщина без губной помады. Из кухни выплывает аромат жареного цыпленка. У меня просто слюнки текут. В соседней комнате накрыт стол на двоих: в центре ваза с гортензиями, а по бокам две мерцающие свечи.

– Ты пришла по делу или просто поглазеть? Повторяю: у меня нет времени, – говорит Люси.

Я улыбаюсь. Были времена, когда моя острая на язычок кухня могла больно меня уколоть, но с годами я поняла, что

ее иглы направлены на тех, кого она любит больше всех других.

– Исчезну, как только появится твой друг. Обещаю. Просто выслушай. У меня к тебе предложение. – Я делаю глубокий вдох и продолжаю: – Как ты смотришь на то, чтобы отправиться в Италию? По системе «Все включено».

Люси часто моргает:

– В Италию? С тобой?

– И с тетей Поппи. – (Люси давится от смеха.) – Что тебя так развеселило?

Кузина вертится вокруг своей оси и приподнимает рукой волосы:

– Как я тебе в образе платиновой блондинки?

– Потрясающе! – отвечаю я и отвожу глаза, чтобы не ослепнуть; для меня остается загадкой, почему Лучана так старательно скрывает свой натуральный черный цвет. – Мы полетим где-то в середине октября. – Я быстренько описываю нашу тетю и вкратце пересказываю ее историю жизни в Треспиано.

Люси демонстративно зевает, а потом изображает, будто храпит во сне.

– То есть ты предлагаешь мне полететь в Италию со скучной старушенцией, которая уже одной ногой в могиле?

Я мгновенно встаю на защиту тети:

– «Скучная» – это последнее слово, которое к ней подходит.

– Я говорю не про тетю Поппи.

Я трясую головой:

– Очень смешно. Ну же, Люси, соглашайся: это будет здорово. И Поппи тебе понравится. Мне показалось, что она... экстраординарная личность. Правда.

– Экстраординарная чокнутая. – Люси снова бросает взгляд на дисплей. – А Роза тебя отпустит?

– Бабушка не станет возражать. – Я поглаживаю шрам под губой и молю Бога, чтобы так оно и было. – Люси, неужели тебе не хочется побывать в Европе? Это же просто здорово!

Люси хмыкает, опять смотрит на телефон и плюхается на диван:

– По мне, так в Вегасе круче. Ладно, изложи подробнее. И сядь уже.

Я сажусь на диван, покрытый одним из покрывал, которое связала тетя Кэрол, – сегодня это плед оранжево-желтой расцветки – и пересказываю свой разговор с тетей Поппи.

– Она хочет, чтобы мы с тобой полетели с ней в Италию и все вместе отметили бы там ее восьмидесятилетие. Кроме нас, у нее никого нет. Поппи... она ведь тоже младшая дочь в семье.

Люси передергивает плечами. Обсуждать эту тему у Фонтана не принято. А потом заявляет:

– Вот именно. Если не хочешь повторить ее судьбу, то пора уже призадуматься. Ты только посмотри на это безобразие! – Она хмурится и тычет пальцем в мой свитер. – В каком

секонд-хенде ты это откопала? Или снова совершила набег на шкаф бабушки? Я бы ни за какие коврижки такое убожество не нацепила. – Люси начинает напевать свою версию сингла «I'm Too Sexy» группы *Right Said Fred*. – Я слишком секси для такого кардигана, ведь это кардиган моей бабульки.

Мне становится смешно.

– Ладно-ладно, я поняла, что тебе не нравится мой свитер.

Люси уже как минимум в двенадцатый раз смотрит на свой телефон.

– Ну так что, поедешь с нами?

– Нет, Эмили, никак не получится. Но ты все равно поблаговари Поппи. Не могу я сейчас: у меня только-только очередной роман закрутился.

– Да, я знаю. Это здорово.

Люси хмуро набирает в телефоне сообщение. Я перевожу взгляд на накрытый стол. Воск от свечей капает на скатерть, из кухни тянется запах подгорелого мяса. Парень Люси опаздывает. Сильно опаздывает. Мне жаль ее. Очень жаль, даже сердце сжимается. Я встаю и улыбаюсь. Надеюсь, улыбка получается бодрой.

– Ладно, не буду тебе мешать. Потом поговорим.

Люси хватает меня за руку так крепко, что ее фиолетовые наманикюренные ногти впиваются мне в кожу.

– Вот только не надо этого, Эм.

– Чего именно?

– Смотреть на меня с сочувствием.

Я сажусь обратно на диван и не представляю, что тут можно сказать или сделать.

– Извини.

– Он только что прислал эсэмэску, что опаздывает. Но он обязательно приедет. Вот увидишь.

– Я не сомневаюсь. Просто, Люси... может, ты достанешь цыпленка из духовки?

Опускаются сумерки, и я включаю торшер. Люси открывает бутылку «Будвайзера». Потом вторую.

– Он уже едет, – говорит она и откупоривает третью бутылку.

– Понятно.

– У нас было целых пять свиданий. – Люси протягивает мне пиво. – Ну, полноценных четыре. Первое, считай, просто перепих. – Люси мельком смотрит на меня. – Тебя это напрягает?

– Нет, – искренне отвечаю я. – Это не мое дело.

Она отколупывает этикетку с бутылки.

– Кармелла считает, что я шлюшка и вечно встречаюсь со всяким отребьем.

Я даже отшатываюсь, услышав такое.

– Твоя сестра правда такое сказала?

Люси пожимает плечами:

– Ну нет, но она наверняка так думает. А мама полагает, что я неудачница. Она Бога молит – причем в буквальном

смысле: постоянно на коленях стоит и молится, — чтобы я встретила хорошего парня, обвенчалась с ним и нарожала кучу детишек. И папа туда же. Они оба жуть как боятся, что я никогда не выйду замуж.

— А что в этом такого уж страшного?

Люси смотрит на меня как на дурочку:

— Тогда у них не будет внуков.

— А-а, понятно. У меня в семье все по-другому. На меня давно забили. И меня это устраивает.

— Ага, тебе повезло. А мои предки считают, что у меня есть шанс при таких внешних данных. — Люси смотрит на свое декольте. — Постоянно мне это твердят.

Я вспоминаю очаровательную маленькую Люси с широко распахнутыми любопытными глазенками и толстенькими ножками в синяках и ссадинах. Тетя Кэрол, милейшая женщина, которую я никогда не видела без макияжа, с самого начала возлагала на младшую дочь большие надежды. Вечно записывала ее в танцевальные студии и подавала заявки на все конкурсы «Принцесса Бруклина». Вот только Люси никогда не любила танцевать, а пухленькие девчушки не становятся королевами красоты, так что в результате у бедняжки лишь развился комплекс неполноценности.

Все изменилось, когда Лучана стала подростком. Детский жирок преобразовался в соблазнительные округлости, и Люси постепенно обрела уверенность в себе. Моя кузина очень симпатичная, вот только зачем она напаялила этот дурацкий

комбинезон а-ля Женщина-Паук?

– Расскажи мне о нем, – прошу я. – О твоём новом парне, с которым ты встречаешься. Забыла, как его...

Люси шумно выдыхает:

– Джек. Такой красавчик, даже мама от него глаз отвести не может. – Она улыбается. – Но я ему по-настоящему нравлюсь, Эм. Он сказал, что никого лучше меня не встречал.

Люси опять проверяет телефон.

Я решаю предпринять ещё одну попытку: может, теперь, когда моя кузина хлебнула пива, уговорить её будет проще.

– Люси, давай отправимся вместе с Поппи в Италию. А то мы ничего не видели в своей жизни, кроме Бенсонхёрста.

Люси задумчиво покусывает ноготь большого пальца.

– Не могу.

– Но почему?

– Эм, ты серьёзно думаешь, что Джек будет меня дожидаться, если я уеду?

Этот парень, который решил кинуть мою кузину, определенно мудака. Но она все равно хочет быть с ним. Она младшая дочь в семье, а я прекрасно знаю, что это такое.

Люси снова заводит шарманку про Джека, а я предаюсь своим мыслям. Пора уходить. Вечером позвоню Поппи и скажу ей, что Лучана отказалась от предложения, так что тандема не получится. Поппи найдет себе других компаньонов, Люси останется при своих интересах, а бабушка Роза даже не узнает, что я лелеяла мысль полететь в Италию.

Люси с грохотом швыряет телефон на стол, я аж подпрыгиваю от неожиданности.

– Проверь сообщения, говнюк! – Она откидывается на диване и смотрит в потолок. – Все как обычно. Джек уже потерял ко мне интерес.

– О Люси, мне так жаль!

– Мы неделю не встречались, и теперь этот сукин сын, похоже, собрался меня бросить.

Мне хочется прижать к себе эту отчаявшуюся одинокую девушку, но я сдерживаюсь и говорю:

– Ты заслуживаешь лучшего.

– Ты тоже. И все же *это* нас не отпускает.

Люси имеет в виду проклятие. Сказать или не сказать ей про обещание Поппи? Нет, пожалуй, не стоит. Если бедняжка настолько наивна, то запросто поверит и в способность тети снять злые чары. А это, конечно же, в принципе...

В голове звучит голос Поппи: «А почему бы и нет? В этом мире нет ничего невозможного».

И я наконец решаюсь:

– Люси, мне надо кое-что тебе сказать. – Я смотрю на кухню, и у меня от волнения сводит живот. – Поппи почему-то убеждена в том, что если мы полетим с ней в Италию, то... – Я умолкаю и в который уже раз поглаживаю шрам под нижней губой.

Вдруг Люси поверит нашей безумной тете? Согласится отправиться в Италию в надежде, что, когда вернется, вековое

фамильное проклятие исчезнет без следа? Боюсь, тогда ее постигнет такое разочарование, что моя бедная кузина уже никогда не оправится. Я представляю Люси в пожилом возрасте: она станет озлобленной и подавленной, как все младшие дочери семейства Фонтана на старых фотографиях.

– Поппи клянется, что тогда проклятие будет снято.

– Что за ерунда?

– Согласна, это полный бред. То есть, во-первых, нет никакого проклятия. Это понятно. А во-вторых, сама мысль о том, что Поппи способна... – У меня срывается голос, и я нервно хихикаю.

Люси смотрит на меня, и у нее начинают блестеть глаза.

– Думаю, я, вообще-то, могла бы с вами полететь. Ну, если это так важно для Поппи.

– Хорошо. – У меня такое чувство, будто я ступила на тонкий лед. – Но, Люси, это просто поездка в Италию. Ничего больше. Пожалуйста, не жди, что глупое обещание Поппи...

– Да знаю я! – перебивает меня кузина. – Господи, неужели ты думаешь, что я совсем уже отчаялась и дошла до ручки?!

На самом деле я именно так и думаю, но благоразумно помалкиваю, а у самой сердце сжимается от тревожного предчувствия: что я натворила? Ох, боюсь, затея нашей тетушки окажется самым большим разочарованием в жизни Люси.

А я, получается, сообщница Поппи.

Глава 11

Эмилия

Каждое воскресенье после мессы в церкви Святого Афанасия вся наша семья обедает в квартире бабушки. Мы усаживаемся за особый, сделанный на заказ стол из орехового дерева. Стол этот составляет восемнадцать футов в длину и накрыт тремя старинными скатертями, на каждой из которых пятен больше, чем на фартуке винодела. Мы садимся все на те же старые стулья – а их у Розы две дюжины – и ведем все те же разговоры. Никто не нарушает традицию, разве что изредка дядю Винни вдруг вызывают на работу или у мужа Дарии случается приступ воскресной простуды.

Сегодня нас за столом четырнадцать человек, включая Мэтта, которого я позвала для моральной поддержки. Дария с девочками принесли две буханки хлеба и банку оливок с чесноком. Донни сегодня тоже пришел на семейный обед. Они с Мэттом смотрят в гостиной бейсбольный матч, а дядя Дольфи тем временем гневно разглагольствует о застройке на Сорок второй улице.

– Шесть этажей. Это уже слишком, скажу я вам. Никак не вписывается в архитектуру нашего района.

Я хожу из комнаты в комнату, слышу обрывки разговоров и стараюсь держать себя в руках.

– Новый парень Люси ну очень симпатичный, – шепотом сообщает тетя Кэрол тете Этель. – Думаю, у них получится хорошая семья.

Мне становится тошно. Кэрол говорит о том придурке, который продинамил Люси. Вероятность того, что у них все получится, примерно такая же, как того, что дядя Дольфи вдруг переключится с оперы на рэп.

– Eccellente!¹⁴ – восклицает Этель и, склонившись к собеседнице, понижает голос: – Дух предсказал мне un matrimonio presto¹⁵.

Тетя Кэрол смеется:

– Твой дух прав... Свадьба на носу, но мы должны держать это в секрете. Путь Люси сама расскажет тебе о своем новом кавалере.

Моя племянница Мими отрывается от игры в планшете и восклицает:

– Я так люблю секреты!

В два часа дядя Дольфи хлопает в ладоши и зовет всех к столу:

– Mangiamo!¹⁶

Мэтт усаживается рядом с Кармеллой, старшей сестрой Люси. Моя двадцатичетырехлетняя кузина сегодня выглядит лучше некуда: черные кеды-конверсы и красная помада.

¹⁴ Замечательно! (*ит.*)

¹⁵ Скорый брак (*ит.*).

¹⁶ Пошли обедать! (*ит.*)

В прошлом месяце она уволилась из банка и теперь потчует Мэтта ужастиками о неудачных собеседованиях.

Я помогаю бабушке подать закуски, а затем и дымящиеся миски с равиоли. Папа разливает вино. Голоса сливаются в общий хор, вилки клацают о тарелки. Мы чокаемся бокалами с вином, отрываем корки хлеба и обмакиваем их в оливковое масло, смешанное с травами. Но мне кусок в горло не лезет.

– Buona pasta, Rosa¹⁷, – хвалит хозяйку тетя Кэрол.

– Il migliore!¹⁸ – соглашается дядя Винни.

Я при первой возможности встаю из-за стола, чтобы убрать тарелки. Прохожу мимо отца, когда он вносит следующее блюдо – каре ягненка.

– Ты как, Эмилия? – спрашивает он. – Что-то нынче бледненькая.

– Все в порядке, – вру я в ответ.

Ягненок выше всяких похвал, но мне не до еды. Жду, когда подадут шоколадный торт с амаретто и разольют по рюмкам граппу. Голоса звучат тише, движения замедляются, сытые тела оседают на стульях.

Люси перехватывает мой взгляд и постукивает пальцем по часам. Она не меньше моего хочет, чтобы все это поскорее закончилось. Сердце громко бухает в груди. Я выпрямляюсь, прокашливаюсь и, стараясь не глядеть на бабушку, говорю:

¹⁷ Восхитительная паста, Роза (*ит.*).

¹⁸ Просто восторг! (*ит.*)

– У меня есть новости.

Дария, которая сидит напротив меня, шикает на девочек:

– Тихо! Тетя Эмми хочет поделиться с нами каким-то известием.

Мими округляет глаза:

– Ты нашла себе жениха?

Все смеются. Все, кроме Мэтта. Он приподнимает одну бровь, и я отвожу взгляд.

– Нет! – Я машу рукой на Мими и собираюсь с духом. – Я лечу в Италию.

Дария меняется в лице. Все умолкают. Краем глаза вижу, как бабушка осеняет себя крестным знамением.

Мэтт оглядывает всех сидящих за столом и приходит мне на помощь:

– Да, так и есть. Эмилия летит в следующем месяце. Восемь дней в Италии. Круто, да?

Все присутствующие растерянно переглядываются. А потом семья постепенно обретает голос.

– Почему она вдруг собралась в Италию?

– Надеюсь, это безопасно?

– Только не для молодой женщины.

– В Европе сейчас наблюдается жуткий рост преступности.

– Да уж. А еще там эти террористы.

– И цыгане. Мигром обчистят. Да так, что и не заметишь – такой вороватый народ.

Мэтт трет лоб и поглядывает на меня. Я заставляю себя улыбнуться:

– Не накручивайте себя понапрасну, все не так страшно. Это же Италия, наша родина.

– И ты отправишься туда одна, Эмми?

Люси закрывает глаза, как будто приготовилась получить удар под дых. Все взгляды направлены на меня.

– Нет. – Я смотрю на скатерть. – Вместе с Лучаной.

– С кем? – Тетя Кэрол резко поворачивается к дочери. – Ты же не полетишь в Италию? Правда?

Я комкаю салфетку на коленях:

– Мы обе едем туда с тетей Поппи.

Все умолкают, в комнате становится необычайно тихо: кажется, муха пролетит – услышишь. Я поглаживаю шрам. Наконец бабушка со скрипом отодвигает свой стул от стола, молча встает, берет чашку эспresso и направляется в гостиную с таким видом, будто не слышала ни слова из того, что я сказала.

Папа и дядя Винни сидят на корточках возле кресла бабушки и пытаются как-то ее утешить, а тетя Кэрол засыпает вопросами Люси. Я убираю со стола и стараюсь не подслушивать.

– Лучана, о чем ты только думаешь? Хочешь оставить своего нового кавалера ради какого-то путешествия? Смотри, упустишь свой шанс.

Я складываю тарелки в стопку. Атмосфера накаляется. У Люси на лбу вздувается вена. Повернувшись к матери, моя кузина шепчет сквозь зубы:

– Тетя Поппи обещала снять это чертово проклятие, если я поеду в Италию.

У тети Кэрол глаза буквально лезут из орбит, она наклоняется и хватается за грудь:

– Что? Да неужели?

Мне становится тошно, я опускаю голову и проклиная себя... и Люси... и тетю Поппи.

Я мою на кухне бокалы, и меня всю трясет от бессилия. Неужели среди наших родственников не найдется ни одного нормального человека, который поддержал бы меня и Люси, просто сказал бы, что рад за нас, и пожелал бы отлично провести время в Италии. Но нет, никто из них не осмелится произнести это вслух, все боятся расстроить бабушку Розу. Она всех под себя подмяла, всех контролирует, включая и меня. Вернее, контролировала до этого момента.

Подходит папа и ставит свою тарелку на стол:

– Восемь дней в Италии. Долго же тебя не будет в магазине.

– Ага. И вообще-то, не восемь, а десять, прибавь еще два дня на дорогу.

Папа быстро оглядывает кухню, а потом наклоняется ко мне и говорит на ухо:

– Я с удовольствием позабочусь о Царапке, пока тебя не

будет.

Повернувшись к отцу, я вижу, как у него заблестели глаза. Это просто невероятно! Я хочу его поцеловать. Хочу обнять папу, поблагодарить и сказать, что очень его люблю. Но это было бы слишком, поэтому я просто улыбаюсь:

– Спасибо, папочка. Вообще-то, я думаю попросить Кармеллу, если она захочет пожить у меня. Так для кота будет лучше.

О том, что моя одинокая кухня, которая до сих пор живет с родителями, убила бы за возможность покайфовать в отдельной квартире целых десять дней, я умалчиваю.

– Да, конечно. – Отец поворачивается, чтобы уйти.

– Папуль? – (Он оглядывается.) – Спасибо за поддержку.

Папа сжимает мои плечи и выходит из кухни.

Я набираю воду в раковину, и тут появляется Мэтт.

– Ты была великолепна! – Он наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку.

Это так неожиданно, я еле успеваю увернуться.

– Приятно слышать. Знаешь, возвращайся-ка ты назад: я хочу знать, что они там обо мне говорят.

Мэтт уходит, но в последний момент я по глазам успеваю заметить, как сильно он разочарован.

– Вот дерьмо! – шепчу я и опускаю руки в мыльную воду, приготовившись чистить чугунную сковородку.

Но тут чья-то холодная рука хватает меня за локоть. Я подпрыгиваю на месте и забрызгиваю столешницу мелкими

пузырьками. Сквозь запотевшие линзы очков вижу хмурое лицо бабушки. Она подошла так близко, что я чувствую запах эспрессо у нее изо рта.

– Эмилия, ты пошла против моей воли. Ты приняла решение, не рассказав мне. Почему?

Хм, это, наверное, потому, что мне двадцать девять лет и я уже давно думаю своей головой. Но я сдерживаюсь и проглатываю эту непочтительную тираду.

– Не думаю, что ты позволила бы мне уехать, – честно отвечаю я и вытираю руки.

– Правильно. Я бы не позволила. И сейчас не позволю. Не дождешься.

Роза отворачивается и закрывает лицо ладонями. Это у нее такой способ выражать эмоции, не проронив при этом ни слезинки.

– Бабушка, я делаю это не потому, что хочу причинить тебе боль.

Я кладу руку ей на плечо, но она отстраняется.

– Ты сделала мне больно, Эмилия. Очень, очень больно.

– Прости. Но я не понимаю.

Бабушка отворачивается в сторону и промакивает сухие глаза кухонным полотенцем.

– Вот именно, не понимаешь. Куда уж тебе? Ты не знаешь всего. – Бабушка смотрит мне в глаза. – Моя сестра – *il diavolo*.

– Дьявол? – Мне смешно. – Неправда, Поппи очень даже

милая. Ты бы ей позвонила, хотя бы поговорила с ней.

– Ты дура набитая! – У бабушки на лбу вздувается вена, и я боюсь, что ее сейчас хватит удар. – Да Паолина пыталась украсть моего ребенка, мою Джозефину. Прямо у меня из рук хотела вырвать мою малышку.

В кухне становится холодно.

– Тетя... тетя Поппи пыталась украсть мою маму?

– Sì.

Я трясую головой:

– Как? Почему?

Роза изо всех сил бьет себя в грудь:

– Я не могу об этом рассказывать.

– Это же было так давно. – Я пытаюсь говорить уверенно, хотя на самом деле никакой уверенности не чувствую. – Наверняка она раскаивается и...

– Послушай меня, Эмилия Джозефина! – Бабушка прищуривается и тычет мне в грудь кривым артритным пальцем. – Больше никаких разговоров об Италии! И об этой женщине! Я запрещаю!

Уборка, разговоры и кьянти – все это не помогает мне отвлечься, слова бабушки не дают покоя. Я начинаю сомневаться, что поступила правильно. Значит, Поппи пыталась похитить у сестры ее маленькую дочь, свою племянницу? Неудивительно, что бабушка так на нее зла. Так кто же эта женщина, с которой я согласилась полететь через океан в

Италию? Неужели и впрямь il diavolo?

В пять вечера на маленьком газоне напротив дома вытягиваются тени. Я выхожу на крыльцо, там дядя Дольфи курит сигару и смотрит на проезжающие мимо машины. Я присаживаюсь рядом.

– Дядя Дольфи, а это правда, что твоя сестра – дьявол во плоти?

Дядя стряхивает пепел и качает головой:

– Да нет, никакой она не дьявол. Просто очень злая.

Я смеюсь:

– Ты не понял: я говорю не о Розе, а о Поппи.

– Паолина? – Дольфи тяжело вздыхает. – Она своими выкрутасами разбила мне сердце. А ведь я раньше так ее любил. Она была лучиком света в нашем доме. Обожала всех разыгрывать. Всегда находила счастливые монетки. А уж какая у нее была фантазия! – Дядя взмахивает руками. – Просто безграничная! Она водила меня гулять в поля. Мы играли, будто мы сиротки, которые заблудились, и за нами гонится злобный монстр. Думаю, она представляла его в образе нашего отца. Знаешь, наш папаша, он ведь жестоко обращался с Паолиной.

– И с бабушкой Розой тоже?

– Да. Такой уж он был человек. Но все знали, что он больше любит старшую дочку. Роза была очень хорошей девушкой до того, как приехала в эту страну. Такое впечатление, будто бы Америка выдавила из нее всю доброту.

– Ты сказал, что тетя Поппи, Паолина, своими выкрутасами разбила тебе сердце. А что именно она сделала?

Дядя стонет так тяжело, словно ему на плечи положили стальной рельс.

– Когда Паолина приехала в США, она как будто с ума сошла. Я тогда еще оставался в Италии, жил в Треспиано с отцом и матерью. Роза и Бруно нам писали, что она вытворяет. Родители очень тяжело это переживали.

– Это когда она пыталась украсть ребенка у Розы с Альберто?

Дядя скидывает голову:

– Ты знаешь об этом? Откуда?

– Бабушка рассказала. А почему тетя Поппи решилась на такой ужасный поступок?

Дядя выпускает облачко дыма и смотрит куда-то вдаль.

– У нее умер младенец, и она была вне себя от горя.

У меня перехватывает дыхание.

– У тети Поппи был ребенок?

– Она встречалась с одним человеком и забеременела от него, sì. Но Паолина должна была понимать, что это плохо кончится: она ведь была младшей дочерью в семье.

Я потираю предплечья, чтобы избавиться от гусиной кожи.

Дядя Дольфи качает головой:

– Бедняжка Паолина... она так и не стала прежней. Когда Роза родила, Паолина не смогла этого вынести. Она сломалась.

лась, как сухая веточка. Паолина привязалась к племяннице, она очень полюбила Джозефину, твою маму.

– И решила ее украсть, а потом поняла, что не права, и вернула?

Дядя кивает:

– А спустя два дня она навсегда уехала из Бенсонхёрста. С тех пор ей разрешалось приезжать сюда только на праздники. – Дольфи тушит сигару и кладет ее в нагрудный карман спортивной куртки, как в патронташ. – Так было лучше для всех. Для Паолины жить рядом с Джозефиной было огромным искушением. Роза с Альберто больше ей не доверяли. Твоя бабушка до сих пор считает, что Паолина – *pericolosa*¹⁹.

Мне так жаль тетю, пережившую в молодости настоящую трагедию. Смогла ли она оправиться после тяжелой потери? Сейчас она выглядит как вполне разумная женщина, которая способна отвечать за свои поступки.

– А ты? Ты тоже считаешь, что она опасна?

Дядя улыбается:

– Не опаснее котенка. Паолина – добрая душа, поверь. – Он кладет ладонь мне на колено. – Знаешь, что я подумал? Если во время путешествия в Италию ты подружишься с Паолиной, то, возможно, сумеешь убедить ее еще разок попросить у Розы прощения. Пока еще не слишком поздно. Мои сестры здорово постарели, и нельзя упускать последний шанс помириться.

¹⁹ Опасна (*ит.*).

Глава 12

Эмилия

И вот наконец настает день отъезда. Все это время я упорно избегала серьезного разговора с Мэттом под тем благовидным предлогом, что якобы полностью поглощена подготовкой к путешествию. Я, разумеется, понимала, что нам следует объясниться, но все откладывала, откладывала... И вот пожалуйста, дотянула до последнего. Надо хотя бы с ним попрощаться. Пока наше такси едет в аэропорт и Люси занята своими ногами, я обдумываю, как лучше поступить. Может, послать эсэмэску? Написать, что люблю его и буду скучать. Но в последнее время все так усложнилось. Теперь Мэтт начнет искать скрытый подтекст, может все не так истолковать. Я не хочу, чтобы это выглядело так, будто я вожу его за нос.

И я набираю сообщение:

Увидимся через десять дней. Береги себя.

Ответ, как всегда, приходит мгновенно:

Горжусь тобой, Эмми. Если что, всегда можешь на меня рассчитывать. Кстати, а где моя толстовка?

О господи! Я ведь так и не вернула Мэтту толстовку, которую он одолжил мне в тот вечер, когда Дария устраивала

у себя собрание Клуба книголюбов.

Извини. Она висит у меня в шкафу. Можешь забрать ее: Кармелла поживет у меня, пока я в отъезде. Только неходи без стука, напугаешь ее.

Я уже собираюсь отключить телефон, когда приходит еще одна эсэмска:

Мы можем серьезно поговорить, когда ты вернешься? Пожалуйста.

У меня сводит живот. Я делаю глубокий вдох.

Конечно.

Я забрасываю телефон в сумочку и уже хочу ее защелкнуть, как вдруг какой-то предмет на дне бросается мне в глаза. Я замираю. Волоски на руках встают дыбом. Не может быть!

Он холодный и размером с серебряный доллар. По кругу надпись: «Святой Христофор, защити нас». Бронзовый медальон, который когда-то принадлежал нашей маме.

Многие годы этот медальон был для Дарии самой ценной вещью. Отец подарил его старшей дочери на первое причастие.

– Святой Христофор – покровитель путешественников, – сказал тогда папа. – Твоя мама хотела бы, чтобы этот медальон перешел к тебе.

И вот теперь Дария передала его мне. Она, наверное, постеснялась вручить его мне лично и решила тайком подбросить

сидеть в сумку.

Я с тихим стоном выуживаю талисман из сумки и прижимаю его к груди. Становится так спокойно на душе. Теперь меня оберегают святой Христофор... и память моей мамы... и любовь сестры.

Люси перестает дуть на ногти и, склонив голову набок, смотрит на меня:

– Господи, Эм, что с тобой? Оргазм, что ли, испытала?

Как мы и договаривались, тетя Поппи ждет нас у стойки авиакомпании «Дельта».

В последний раз мы виделись десять лет назад, но я узнаю ее с первого взгляда. Вообще-то, Поппи трудно не заметить – на ней ярко-зеленые слаксы, блейзер в стиле пэчворк и круглые очки в половину лица.

– Ну чем не Элтон Джон, – бурчит себе под нос Люси.

Тетя машет нам сразу обеими руками. Рядом с ней стоят два чемодана на колесиках, оба в фиолетовых, красных и желтых пятнах, как будто кто-то – может быть, и сама Поппи – взял кисти, окунул их в краску и забрызгал идеально белую поверхность.

– Солнце мое! – Тетя трусцой бежит в нашу сторону, у нее блестящий коралловый маникюр в тон губной помаде. – В жизни ты еще прекраснее!

Хотелось бы мне суметь разозлиться на женщину, которая пыталась украсть мою маму, но, когда я делаю шаг навстречу

и попадаю в ее объятия, все опасения моментально исчезают. Что бы Поппи ни совершила в прошлом, она дарит мне ощущение, что я любима, и это начинает мне нравиться. И одновременно накатывает чувство вины. Я всю жизнь прожила с бабушкой и вот теперь предаю ее, отправляясь в путешествие с тетей, которую едва знаю.

– Я так счастлива! – Поппи целует меня в обе щеки и поворачивается к Люси. – И ты тоже здесь! – Она собирается обнять Люси, но та стоит руки по швам. – Как я рада тебя видеть, Лучана, – после короткой паузы говорит Поппи и улыбается. – Хотя, возможно, я предпочла бы видеть чутьочку меньше.

Люси отшатывается:

– Это еще что значит?

Я отвожу глаза. Мне неловко за мою бедную кузину, которая и впрямь вырядилась не самым лучшим образом. Я просто обомлела, когда она, покачиваясь на высоких каблуках, спустилась со своего крыльца в белом обтягивающем коктейльном платье и черных ботильонах с открытым носком. Кто, кроме нее, мог решить, что одеться так в дорогу – хорошая идея? Но такси стоило кучу денег, а нам надо было успеть в аэропорт. Зачем начинать путешествие с препирательств?

Поппи похлопывает Люси по щеке:

– Это глупое семейное проклятие превращает нас в дурочек. Дорогая моя девочка, ты только посмотри на себя. Так

отчаянно хочется любви, да? Да и твоя кухня не лучше, – тетя показывает на меня, – оделась как старая клуша.

У меня челюсть отваливается.

– Что?

Люси давится от смеха:

– Это точно. Но ты же снимешь его? Проклятие?

Поппи вскидывает голову:

– В свой восьмидесятый день рождения я встречу на ступенях собора в Равелло любовь всей моей жизни.

Теперь уже Люси разевает рот от удивления:

– Это и есть твой план по снятию проклятия?

Лицо Поппи сияет, как у счастливого ребенка. Она кивает. Люси хватается за плечи:

– Нет! Нет и нет! Ты же это несерьезно, да? С чего ты взяла, что встретишь любовь в восемьдесят, если я не могу найти ее в двадцать один год?

У меня сердце в пятки уходит. Я пытаюсь смягчить ситуацию:

– Люси хочет сказать, что на данном этапе... на этом этапе твоей жизни... встретить кого-то... это...

– Не хочется тебя расстраивать, Поппи, – перебивает меня Люси, – но трудно найти мужчину, который мечтает о высохших сиськах и сморщенной заднице.

Меня аж передергивает, я молю Бога, чтобы у тети были проблемы со слухом.

Поппи переводит взгляд с Люси на меня:

– Скажи-ка, когда ты перестала верить в чудеса?

Этот вопрос застаёт меня врасплох. Так и подмывает ответить правду: я перестала верить в чудеса где-то в четвертом классе. Я столько лет молилась и ждала, однако мамы у меня так и не появилось.

– Я здесь только потому, что ты пообещала снять проклятие, – говорит Люси. – Да мама мне уже телефон оборвала. Ждет не дождется, бедняжка, когда я наконец-то от него освобожусь. Пожалуйста, скажи, что у тебя есть план «Б».

Поппи отворачивается и выдвигает ручки своих чемоданов:

– Забудь о проклятии, Лучана. Мы летим в Италию!

Я стараюсь не смотреть на Люси, но чувствую на себе ее взгляды, которые вонзаются в меня, словно кинжалы. Мне хочется подбодрить кузину, сказать, что если даже фамильное проклятие и существует – а ничего такого, понятное дело, нет, – то Поппи его обязательно снимет, что она непременно сдержит обещание. Но я не могу. Похоже, наша двоюродная бабушка может оказаться знатной манипуляторшей, покруче, чем старая леди Грэнтэм из сериала «Аббатство Даунтон».

Паспортный контроль я прохожу следом за Поппи. По сравнению с проштемпелеванным визами и отметками таможни загранпаспортом тети мой документ девственно чист.

– Интересно, сколько стран ты посетила? – спрашиваю я, пока Поппи убирает паспорт в огромную оранжевую косме-

тичку.

– Тридцать четыре, и это еще не предел. Но Италия – страна особенная. Я возвращаюсь туда каждый год.

– Ты каждый год летала в Италию в надежде встретить настоящую любовь?

– О господи, нет, конечно! Только в этот раз. Я, кстати, не была в Равелло с шестьдесят первого года. Этот город я поберегла на следующую неделю.

Мы втроем сидим рядом в зале ожидания на креслах из искусственной кожи и ждем, когда объявят посадку. Люси отвернулась и яростно набирает сообщения в телефоне. Поппи как будто этого не замечает, она сидит с прямой спиной, словно королева, и, улыбаясь, кивает проходящим мимо пассажирам.

– Аэропорт – такое интересное место. Ты не находишь, Лучана?

– Ага, круче только салон, где делают бразильскую эпиляцию, – говорит Люси, не отрывая глаз от телефона.

Поппи откидывает голову назад и смеется:

– Ты такая умная, Лучана, особенно для девушки, которая для перелета через океан выбирает обувь на шпильках.

Люси бросает взгляд через плечо:

– Лучше уж мои ботильоны, чем монашеские туфельки Эмилии.

– А что не так с моими туфлями? Это, между прочим, «Кларкс», и они суперудобные.

Поппи накрывает мою руку своей:

– Дорогая, как только начинаешь одеваться в удобные вещи – считай, все, покатила по наклонной. Ты когда-нибудь бывала в доме престарелых? Сплошной эластик и липучки.

Упс! Она умудрилась разом уколоть и Люси, и меня.

Люси продолжает набирать сообщение, а Поппи рассказывает мне о своей любви к лошадям:

– Купила Хиггинса на свое шестидесятилетие. – (О своих предпочтениях в музыке.) – Я просто с ума схожу от *Chastity Belt*. Это новая группа, которая играет в стиле альтернативного рока. Ты их еще не слышала? – (О занятиях по йоге, благодаря которым она сохраняет гибкость.) – Ты в курсе, что семьдесят процентов взрослых людей не могут встать с пола без помощи рук? Представляешь?!

Тетя говорит, а я тем временем за ней наблюдаю. Смотрю, как она жестикулирует, хмурится, откидывается назад или стонет, чтобы передать свои эмоции. У Поппи хватает морщин, это да, однако лицо у нее не такое иссохшее, как у бабушки. И еще эти глаза. Они миндалевидной формы и темно-карие, как у Розы, но готова поставить все свои сбережения на то, что морщинки вокруг тетиных глаз появились не от озлобленности, а от положительных эмоций.

Я вздрагиваю, потому что понимаю, что Поппи замолчала.

– Извини. Я слушаю, продолжай.

Она наклоняется ко мне:

– Дорогая, ты смотришь так, будто видишь меня первый

раз в жизни.

Я чувствую, что покраснела, и улыбаюсь:

– Просто я никогда не думала, что ты такая красивая.

– Вообще-то, в детстве я была самым обыкновенным ребенком. Но, знаешь, если посадить человека в правильную почву, он расцветает. И с тобой тоже так будет, когда найдешь свой настоящий дом.

– Мой дом – Бенсонхёрст.

– Правда? – Поппи пристально смотрит мне в глаза. – А что, если ты на тридцатом году жизни вдруг поймешь, что выросла не в том месте?

Мне почему-то становится не по себе, даже в дрожь бросает. Я вспоминаю о медальоне.

– Извини, мне надо позвонить.

Набираю номер сестры и отхожу к окну.

Дария отвечает после третьего гудка.

– Спасибо огромное за медальон святого Христофора. Я только что его обнаружила.

– Это тебе на время, смотри не потеряй.

– Не потеряю, обещаю. Мы уже в аэропорту. – Я чувствую себя на седьмом небе от счастья и улыбаюсь от уха до уха.

– Поверить не могу, что ты на это решилась. Бабушка просто вне себя.

– Ничего страшного, она смирится, – говорю я, хотя сама не очень-то в это верю.

– Так ты вернешься в пятницу?

– В пятницу? В эту? Нет, конечно. Мы вернемся на следующей неделе, во вторник. Двадцать третьего. Восемь дней в Италии и еще два на дорогу. Ты разве не помнишь?

Дария преувеличенно громко стонет:

– Но на этот уик-энд мы планировали поехать в Атлантик-Сити.

Я хлопаю себя ладонью по лбу. О господи! Точно, она ведь купила тогда по акции путевку за полцены, а я согласилась присмотреть за детьми... Но это же было больше месяца назад. Почему Дар мне не напомнила?

– Ой, прости, пожалуйста, совсем забыла! Хочешь, я позвоню Кармелле? Может, она присмотрит за девочками?

– Думаешь, если она наша кузина, то согласится даром сидеть с моими детьми? Да она мне такой счет выставит, мама не горюй.

– Слушай, я все оплачу...

– Не бери в голову, Эмми. Лети себе в Италию и не заморачивайся нашими проблемами. Для тебя ведь куда важнее угодить Поппи, которая разбила бабушке сердце!

Я дрожащими пальцами провожу по шраму под нижней губой.

– Не сердись, Дар. У нас уже скоро вылет. Я не могу сейчас ее бросить.

– Не можешь... или не хочешь?

Я через плечо смотрю на тетю. Она играет в «ку-ку» с сидящим напротив нее малышом. Эта эксцентричная старая

женщина готова к очередному приключению, которое может принести ей великую радость... или разбить сердце. Что-то мне подсказывает: если у меня хватило смелости присоединиться к Поппи, то и меня тоже ждет приключение.

– Пожалуйста, пойми...

– Нет, Эмми, я не понимаю. Это совсем на тебя не похоже. Бабушка права: Поппи здорово промыла тебе мозги.

– Дария, прошу...

– Мне надо идти, – перебивает меня сестра и с сарказмом в голосе добавляет: – Хорошенько повеселитесь там, в Италии.

А потом щелчок – и разговор окончен.

Я бегу в туалет, снимаю очки и промокиваю глаза бумажным полотенцем. Дария не на шутку обиделась. Бабушка в ярости. Люси злится. Папа тоже наверняка расстроен. Есть хоть кто-нибудь, кого я не разочаровала? И все ради чего? Ради каприза старой женщины, которая решила, что под конец жизни найдет свою настоящую любовь? Или ради того, чтобы покончить с проклятием, в которое я даже не верю? Я, правда, очень надеюсь услышать рассказы о маме, однако еще не факт, что они будут правдивыми.

Поппи входит в туалет и, увидев меня в зеркале, резко останавливается.

– Ох ты господи! – Она обнимает меня, и я погружаюсь в цитрусовый аромат ее духов. – Девочка моя, что случилось?

– Все нормально. – Я вытираю нос шершавым бумажным

полотенцем. – Вернее, все ужасно.

Поппи прижимает меня к своему хрупкому телу, и я готова поклясться, что слышу, как бьется ее сердце. Я закрываю глаза и объясняю:

– Дария очень расстроилась. Она рассчитывала, что я побуду с ее детьми в этот уик-энд.

Тетя отстраняется и смотрит мне в глаза:

– Ты это ей пообещала?

– Еще в августе, – киваю я. – Правда, о конкретной дате мы не договаривались. Честно говоря, я вообще об этом забыла. – Я швыряю скомканное полотенце в урну. – Ну как я могла так подвести сестру!

Поппи берет меня плечи и разворачивает кругом. Теперь я стою к ней задом. Когда тетя вдруг начинает отряхивать мне спину, я даже вздрагиваю от неожиданности и изумленно смотрю на нее через плечо.

– Что ты делаешь?

– Стираю у тебя со спины следы ног.

– Какие еще следы?

– Те, что оставила твоя сестра, когда топталась на тебе.

Поппи смотрит мне в глаза и покатывается со смеху. Я не выдерживаю и тоже хихикаю.

– Что одновременно возвышает и очищает нас? – Тетя берет со столешницы у раковины очки и водружает их мне на нос. – Смех сквозь слезы.

И в этот момент я понимаю, почему решила полететь с

ней в Италию.

Минут десять спустя я с покрасневшими, но сухими глазами возвращаюсь к выходу на посадку. Поппи с просветленным лицом наблюдает за людьми, а Люси продолжает с кем-то переписываться по телефону, быстро набирая и отправляя односложные ответы на сообщения. Чтобы отвлечься от мыслей обо всех родственниках, которых подвела, я достаю блокнот с авторучкой и, прикрывая страницу левой ладонью, начинаю марать бумагу. Но Поппи все замечает:

– Да ты у нас писательница!

Я закрываю блокнот:

– Да нет, какое там. Это просто хобби.

– Не смущайся, милая. То, что приносит радость, не может очернить.

Мне смешно.

– Очернить? Кто в наше время использует это старомодное слово?

– Литераторы, кто же еще. А теперь расскажи, что ты сочиняешь?

– Любовный роман, – отвечаю я и быстро добавляю: – Но я вовсе не собираюсь его печатать.

– Роман? Это впечатляет. – Поппи делает серьезное лицо. – У тебя, видимо, богатый опыт в таких делах?

– Ну, не так чтобы очень богатый. У меня был парень в колледже. Лиам. Наши отношения продлились несколько месяцев. – Я смеюсь. – К счастью, у меня богатое воображе-

ние.

– Думаю, тут мы с тобой похожи. Я предпочитаю видеть жизнь такой, какой она должна быть, а не такой, какая она есть. – Тетя достает из сумочки помаду. – А этот твой бойфренд... Лиам. Что между вами произошло? Вы были влюблены?

Прямой вопрос Поппи застаёт меня врасплох. У меня комок подкатывает к горлу. Я заставляю себя улыбнуться:

– Да, наверное. Хотя все закончилось, ещё толком не начавшись. Я ушла из Барнарда в зимние каникулы, надо было помогать дяде Бруно в его магазине. Все закончилось тем, что я перевелась в колледж в Бруклине. Лиам и я... мы просто отдалились друг от друга.

Поппи хмурится:

– Ничего не понимаю. Что за хрень?! – Она быстро прикрывает рот ладонью, как будто сама от себя такого не ожидала. – Пардон, вырвалось, но иногда другого слова и не подберешь.

Я не могу удержаться от смеха.

– Лиам был неплохим парнем, – говорю я в надежде закрыть тему.

– И только? – Тетя подкрашивает губы блестящей коралловой помадой. – Эмили, ты заслуживаешь большего. Пришла пора подыскать тебе достойную пару. – Она причмокивает губами. – Мне представляется, что это будет интеллектуал. Мечтатель... Любитель литературы. Парень с острым

умом и крепким задом. – Поппи хохочет, и я даже не успеваю ничего возразить, как она вдруг спрашивает: – Ты играешь на каком-нибудь музыкальном инструменте?

– О господи, нет!

– А твой дедушка неплохо музицировал.

– Правда?

Я видела фотографии дедушки Альберто. На них он всегда был запечатлен с сигарой, но с музыкальным инструментом – никогда. Тетя наверняка что-то путает, но мне не хочется с ней спорить.

Поппи протягивает мне помаду. Я отрицательно качаю головой. Она смотрит на мой шрам и бросает помаду в сумочку.

– Ты увлекаешься живописью? Рисуешь?

– Поппи, честное слово, я тебе практически все о себе рассказала. У меня не такая уж интересная жизнь.

– Ничего страшного, Эмилия. Это скоро изменится.

Я перевожу разговор в более безопасную плоскость:

– Расскажи лучше о себе. Ты уехала из Бенсонхёрста в шестьдесят первом году. Что было потом?

На лицо Поппи набегают тени, но она быстро встряхивается.

– Я переехала в Херши, это городок в Пенсильвании. Устроилась на шоколадную фабрику. Работала там на конвейере. – Поппи хватается себя руками за горло и скашивает глаза к носу. – Тоска смертная, хоть удавись.

Я смеюсь:

– А затем ты получила степень по искусствоведению?

Тетя кивает:

– Я пять лет училась на вечернем отделении в Колледже Франклина и Маршалла и получила степень бакалавра. А потом мне выпал редкий шанс: я выиграла грант на обучение в магистратуре Пенсильванского университета. Вот тогда-то я уволилась с фабрики в Херши и переехала в Филадельфию.

Поппи рассказывает о своей работе в Колледже Брин-Мар, о том, как преподавала подросткам искусствоведение.

– Целых сорок лет, даже больше. Но последние десять я предпочитаю работать волонтером.

– Ничего себе!

Я с восторгом смотрю на эту образованную, не потерявшую интереса к жизни независимую даму, которая так не похожа на остальных женщин из рода Фонтана. Даже не верится, что у нас с ней общие корни.

– До посадки еще полно времени. Может, ты расскажешь что-нибудь о моей маме?

Люси отрывается от своего телефона:

– Почему бы не потрепаться на более современные темы. Например, кто твой любимый герой в сериале «Холостяк» или обсудить еще что-нибудь в таком духе?

Так странно, что в моей семье никто, включая Лучану, не понимает, почему я хочу узнать побольше о своей маме. Неужели они действительно не представляют, что можно от-

чаянно скучать по человеку, которого никогда не знал?

– Да, конечно, – говорит тетя, и я подозреваю, что она согласна с Люси.

Но потом Поппи крепко берет меня за руку и выдыхает так, будто приготовилась сделать первый шаг на трудной и опасной дороге.

Глава 13

Поппи

1959 год, Флоренция, Италия

Слава богу, в галерее Уффици никто ни о чем не догадался. Я, выдав себя за Розу, набрала на экзамене восемьдесят семь баллов из ста и получила лицензию гида. Каждый день я вставала в пять утра и шла пешком две мили до Фьезоле. Там садилась на автобус номер семь, через час выходила на Виа Риказоли в центре Флоренции и там на остановке гордо прикалывала к униформе бейджик «Роза Фонтана Луккези».

Это случилось в декабре. К тому времени я уже месяц работала в знаменитом музее под именем Розы. Я обожала свою работу, но терпеть не могла тускло-коричневый костюм, который должна была носить, как и все гиды. Скучную униформу я оживляла дешевой бижутерией, которая сохранилась у меня еще с подростковых времен. Сегодня надевала пластмассовые бусы, завтра прикалывала брошь с павлиньим пером. И каждый день наматывала на голову яркий шарфик. У каждого гида была указка, служившая ориентиром для группы. Я к своей привязывала оранжевую ленту.

В то утро было холодно. Я стояла у входа в галерею и ждала, пока не соберется моя группа. Вскоре вокруг меня столпились туристы-итальянцы. И где-то в задних рядах я заме-

тила одиноко стоящего молодого человека с пшеничными волосами. Мне показалось, что ему лет двадцать или около того. Очень выразительное, словно высеченное из мрамора лицо и пронзительный такой взгляд. Он был высокий и широкоплечий. Я решила, что это американец или австралиец.

Я представилась группе и одарила всех своей самой широкой улыбкой:

– Коллекция галереи Уффици огромна. Я здесь для того, чтобы ответить на все ваши вопросы. Спрашивайте, не стесняйтесь.

Женщина средних лет подняла руку.

Я вскинула голову: вот она, возможность продемонстрировать свои знания.

– Sì?

– Dove sono i gabinetti?

Где тут туалеты?

Молодой человек с пшеничными волосами рассмеялся. И я, хотя и порядком смутилась, тоже.

Следующие полтора часа я вела экскурсию. Привлекательный блондин не задавал вопросов, но я, даже не глядя на парня, чувствовала его присутствие так, словно от него исходила некая, только на меня направленная энергия. Я успела рассмотреть его волевой подбородок, голубые глаза и длинные ресницы. И еще я не раз подмечала, что, делая вид, будто любуется картинами, он украдкой косится на меня.

Экскурсия закончилась, и незнакомец исчез, забрав с со-

бой частичку моего сердца. Понимаю, звучит банально, но это правда. Мы и словом не перемолвились, но что-то между нами возникло. Такое сразу чувствуешь, это сродни волшебству.

На следующий день я пришла на работу и... снова увидела там его – того самого белокурого красавчика. Ну просто чудеса! Я старалась не смотреть на парня, чтобы не отвлекаться. Но потом все-таки не выдержала... Он улыбнулся мне, и у него на щеках появились ямочки. А глаза, его голубые глаза заблестели, и я словно бы вдруг захмелела, позабыв обо всем на свете.

К счастью, экскурсия вскоре подошла к концу. Я отвечала на последние вопросы, а сама хотела, чтобы все это поскорее закончилось: тогда я найду этого молодого человека с пшеничными волосами и наконец-то с ним познакомлюсь. Но когда моя группа разошлась, он опять исчез. Просто испарился.

Как же я на себя злилась! Господь дал мне второй шанс, а я его упустила. Мы даже словом с этим блондином не перекинулись.

Вечером я возвращалась в автобусе в Фьезоле и на въезде в каждую деревню смотрела в окно: вдруг там в толпе окажется тот молодой человек с голубыми глазами. Я и правда верила, что если увижу его, то сразу выйду из автобуса. Но, увы...

А через два дня прихожу я утром на работу – и кого бы

вы думали встречаю там? Все того же голубоглазого красавчика. У меня чуть сердце из груди не выскочило! Он опять примкнул к моей группе и ждал начала экскурсии. Я решила, что уж на этот раз не упущу свой шанс. Я прошла через толпу экскурсантов и остановилась прямо перед ним. Вблизи он оказался еще привлекательнее: мужественное лицо и ослепительно-белые зубы. Высокий и атлетически сложенный, он одновременно казался очень интеллигентным и одухотворенным. Для меня он был неправдоподобно красив, как статуи в галерее Уффици.

– Buongiorno, – поздоровалась я. – Вижу, вы решились на третью экскурсию. Совсем себя не жалеете.

Он посмотрел на меня так, будто ничего не понимает.

– Non capisco²⁰. Es tut mir leid²¹. – Парень говорил на смеси итальянского и немецкого.

– Так вы из Германии? – спросила я по-английски. – Теперь понятно, почему вы предпочитаете помалкивать и не задаете никаких вопросов. – Я рассмеялась и указала ему на гида, проводившего экскурсию для немецких туристов. – Вам лучше присоединиться к группе Ингрид.

Он улыбнулся в ответ. Я никогда не забуду, как он тогда на меня посмотрел. Восхищение – вот что ясно читалось в его взгляде.

– Grazie, – поблагодарил он по-итальянски. – Но я есть

²⁰ Не понимаю (*ит.*).

²¹ Мне жаль (*нем.*).

там, где я хочу быть.

– Так вы все-таки говорите по-итальянски?

У него заблестели глаза.

– Да, немного. Могу спросить дорогу в туалет.

Мы дружно рассмеялись.

– Но вы дважды ходили на экскурсию с туристами из Италии. Вы что-нибудь поняли из того, что я рассказывала?

– Немного. Но мне очень понравилось.

Мне вдруг стало душно.

Я огляделась вокруг, увидела Ингрид и вновь показала в ее сторону:

– Экскурсия с немецким гидом вот-вот начнется.

– Я есть там, где я хочу быть, – повторил он на своем ломаном итальянском. – Мне достаточно слышать ваш голос, а понимать все слова не обязательно.

Когда моя смена закончилась, красивый светловолосый немец ждал меня на площади со стаканчиком мороженого. Разве я могла отказать мужчине, который дважды – нет, трижды! – потратился на экскурсию, не зная языка, и все только ради того, чтобы побыть рядом со мной? В моей жизни, в жизни младшей дочери семейства Фонтана, еще не случилось ничего более романтического.

Мы общались на смеси английского, итальянского и немецкого, бурно жестикулировали и смеялись друг над другом. Оказалось, что парень приехал из Радебойля, это горо-

док на берегу Эльбы, неподалеку от Дрездена. Полтора года назад он покинул свой дом и семью ради того, чтобы сбежать из ГДР, где тогда всем заправляли коммунисты. Его звали Эрих.

– Эрих? – переспросила я и слизала мороженое с ложки. – То есть Рико. Знаешь, у нас в Италии мужское имя всегда заканчивается на гласную.

Эрих прищурился:

– Хорошо. Для тебя я буду Рико. А ты Роза, да?

Я совсем забыла, что на моем бейджике значилось имя сестры. И он слышал, как я говорила экскурсантам, что меня зовут Розой. Я испугалась: а вдруг, если расскажу ему правду, он во мне разочаруется? Или даже сообщит об этом в администрацию музея? Но потом решила рискнуть.

– На самом деле меня зовут Паолина. Я... я только на работе всем представляюсь как Роза.

Эрих внимательно на меня посмотрел и мило улыбнулся:

– Тебе следовало бы выбрать другой псевдоним. Роза – она слишком уж колючая. Ты смелая, яркая и больше похожа на Mohn²². Вот какое имя тебе подходит.

Я не знала, что означает это немецкое слово, но оно было созвучно английскому «moon», то есть «луна».

– Луна? – возмутилась я. – Нет уж, спасибо. Ты хочешь сказать, что я похожа на подвешенную в небе головку сыра?

Эрих рассмеялся. Его смех был таким глубоким и теплым,

²² Мак (нем.).

что мне даже захотелось в него закутаться.

– При чем тут луна? Мohn – это такой трепетный яркий цветок. Кажется, вы называете его раравего.

Тут только я поняла, что он имел в виду мак.

– Я обожаю раравего. Но это неподходящее имя для девушки. – Я на секунду задумалась. – А как тебе Поппи? Это английское название того же цветка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.